

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

СОВЕРШЕННЫЕ

МОНСТР ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ

Совершенные

Марина Суржевская

Совершенные

«Марина Суржевская»

2023

Суржевская М.

Совершенные / М. Суржевская — «Марина Суржевская»,
2023 — (Совершенные)

Кассандра Вэйлинг из Нью-Касла — «золотая девочка» города, ведь ее папа — градоначальник, а мама — самый известный в Империи миротворец. Кассандра — красивая, дерзкая и самоуверенная, в нее влюблен «король» колледжа, а будущее кажется совершенно безоблачным. Кассандру ждет прекрасная жизнь. Или... нет? Грядет День цветущей вишни, несущий перемены. И приближается тот, кто все изменит. Книга первая.

© Суржевская М., 2023

© Марина Суржевская, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1. День цветущей вишни	8
Глава 2. Самый важный день	14
Глава 3. Темный альков	22
Глава 4. Ход пешки	26
Глава 5. Ноль-один	33
Глава 6. Рождение разрушителя	39
Глава 7. Призраки прошлого	48
Глава 8. Душевный разговор	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Марина Суржевская

Совершенные

*Однажды ты увидишь звезды и поймешь,
насколько они совершенные.*

Пролог

Когда все катится в бездну и становится невыносимым, каждый задается вопросом: где именно он свернул не туда. Где тот злосчастный поворот, после которого новый шаг лишь приближает падение к пропасти. Точка невозврата, делящая жизнь на до и после.

У него было вполне неплохое «до». Идеалы, в которые он верил. Путь, по которому мечтал пройти. Мечты и цели, которые должны были осуществиться.

И люди, которых он любил.

Да. Это самое главное.

Люди.

Когда все пошло не так?

В отличие от многих, он прекрасно знал свою роковую дату. Свою проклятую точку обратного отсчета. О да, он знал и помнил тот день так ясно, словно все это случилось лишь вчера.

Мог ли он в тот день предположить, каким станет после? Что однажды будет стоять на этой скале, окруженный заледенелыми камнями, и смотреть на девушку у своих ног. В ее глаза – испуганные, с расширенными, топящими радужку зрачками. На ее тело – сжавшееся от паники, все еще пытающееся сбежать. Не верящее, что это возможно. Что он это сделает.

На веревки, связывающие ее тело.

И на нож в своей руке.

Мог ли в тот злополучный день он хотя бы предположить, что однажды убьет ее?

Конечно, нет.

Тогда это казалось нереальным бредом, способным вызывать лишь смех.

Увы. Бред обернулся жуткой воплотившейся реальностью. А он больше не смеется. Впрочем, она тоже.

– Ты не сможешь...

Ее слова скользнули шелестом, и их унес ветер.

Он не стал отвечать. Он смотрел на верхушки сосен, на оранжевую линию горизонта, где таяло солнце. Девушка на камнях дрожала – от холода или страха, он же не ощущал ничего. Ветер облизывал руки, колючим языком трогал рукоять, зажатую в ладони, осторожно касался пока еще чистого лезвия.

Солнце ухнуло вниз, и закат вспыхнул на скалах нестерпимо-алым, разбрызгивая кровавые всполохи. Пора.

Он повернулся, чтобы еще раз посмотреть ей в лицо. Знакомое до самой крошечной черты, до самой прекрасной мелочи. Изученное так же хорошо, как и собственное. В ее глаза, уже почти полностью черные от накативших эмоций.

Тихо всхлипнув, она дернулась в сторону, отползла на несколько шагов. Словно все еще надеясь. Все еще пытаясь сбежать. Но позади молчаливыми стражами высились камни. Впереди темнел обрыв.

И стоял он.

Закат сплясал джигу на лезвии, и алое потемнело до чернильного сумрака.

Выхода не было.

И спасения – тоже.

Словно поняв это, она прекратила глупые попытки освободиться. Подняла голову, облила сухие губы. И встретила его взгляд, когда он наконец повернулся.

Усмешка исказила ее лицо.

– Теперь я вижу, – сказала она, неотрывно глядя в глаза своего убийцы. – Ты изменился. Теперь ты сможешь.

– Да. – Его движение к ней медленное и завораживающее, словно танец змеи. Ее всегда очаровывало то, как он двигается. – Теперь – да.

Она прикрыла глаза, словно больше не могла смотреть на него.

– Я хочу... запомнить тебя другим. – Слова давались ей с трудом. – Нас обоих. Запомнить, какими мы были. Тогда. Такими... юными, да.

Он не ответил. Он давал ей время. Им обоим.

– Еще – наивными. – Она снова облизала губы. – Хотя нет. Ты никогда не был наивным. Ты всегда был особенным.

– Солнце село, – сказал он.

Пора.

Глава 1. День цветущей вишни

Вишни пахнут так сладко, что я пошире открываю рот, словно надеюсь наесться медовым ароматом.

Со второго этажа нашего дома на холме открывается прекрасный вид на Касл. Из окна моей комнаты видна красивая башня Адмиралтейства и старинное здание колледжа, ряды двухэтажных домов с черепичными крышами, окруженные серебряным изгибом реки, и набережная, в которой покачиваются корабли. И конечно – Аллея цветущих вишен, которая вечером станет главным местом города. Обычно вся улица сияет огнями и хорошо просматривается, но сегодня ее прячет бледно-розовый шторм из цветов вишен. Им окутан весь Касл, и даже к нашему дому ветер приносит ароматные хрупкие лепестки. И еще запах. Такой вкусный, что он тает на языке подобно сладчайшему пирожному.

Я облизала губы, жалея, что запахом нельзя наесться.

Впрочем... зачем я вообще об этом думаю? Какое мне дело до запаха розовых лепестков? Особенно сегодня?

Единственное, что должно занимать мою голову в этот день – предвкушение.

Я вытянула левую руку, растопырила пальцы, рассматривая свое запястье с тонкими, едва заметными прожилками вен и выступающей косточкой, и довольно улыбнулась. Сегодня это запястье украсится главной драгоценностью нашего мира! Сегодня я утру нос всем, кто во мне сомневался. Сегодня я обрету крылья, чтобы жить той жизнью, о которой всегда мечтала!

И пусть я никогда не стану Совершенной, но смогу быть яркой жемчужиной в обществе тех, кто подобен богам!

Внизу хлопнула дверь, и в ту же секунду возле дома мягко притормозил внедорожник. Водитель всегда предельно точен. Впрочем, как и все, кто работает на нашу семью.

Хотя нет, не так.

Работает на моего отца.

Словно в ответ на мои мысли, на пороге показался он сам. Как всегда – безупречно одетый в выглаженный до хруста военный мундир. Я закусила губу, поняв, что отец в синем. Синяя форма. Не парадная белая, а повседневная синяя!

Неужели он не счел сегодняшней день достаточным поводом, чтобы облачиться в белое?

Сверху мне были видны седые волосы отца, уложенные волосок к волоску, ряды орденов на его груди, блеск сапог и даже жёсткий ремень с круглой бляхой.

Водитель – тоже бывший солдат – отдал честь, приветствуя генерала, и распахнул дверцу автомобиля. Еще через миг внедорожник развернулся и покати к дороге.

Я проводила его взглядом, гадая, знал ли отец, что я за ним наблюдаю. Хотя о чем я говорю! Конечно, он знал. Отставной генерал и нынешний градоначальник Нью-Касла Ричард Вэйлинг предпочитал все держать под контролем. Но даже если он ощущал мой взгляд на своем затылке, отец не обернулся, чтобы помахать рукой перед отъездом. Даже сегодня. Даже в этот день.

Впрочем, он никогда не махал мне рукой.

На первом этаже звякнул входной колокольчик и тут же прозвучал суровый голос дворецкого. Почти все работники нашего дома – бывшие военные, так что с чем-чем, а с дисциплиной в поместье Вэйлинг всегда полный порядок.

Ну а если бы не я, этот порядок стал бы образцовым.

Я хмыкнула и прикрыла окно, чтобы шелковые занавеси не трепал ветер, а потом обернулась к гостю.

– Госпожа Кассандра! – Вошедшая женщина отмахнулась от приветствий, окинула меня быстрым профессиональным взглядом и поставила на столик объёмный чемоданчик, доверху

набитый всевозможными баночками, скляночками, палетками и кистями. – Прекрасно выглядите! Вижу, вы соблюдали мои рекомендации, не ели сладкого, соленого или жирного, пили достаточно воды. Ваша кожа в отличном состоянии! Что ж, приступим к работе.

– Да, мастер Мэй, я готова, – кивнула я, присаживаясь у окна, чтобы потоки света омыли мое лицо.

Аманда Вэйлинг гордо взирала со своего места, и я – уже привычно, почти неосознанно, – сдвинула стул, на котором сидела, чтобы внимательный и строгий взгляд матери меня миновал. И неважно, что Верховный миротворец Империи сейчас была всего лишь портретом на стене – я все равно отодвинулась.

И лишь оказавшись вне зоны досягаемости нарисованного взгляда, вздохнула свободно и прикрыла глаза, позволяя мастерице начать свою работу над моим лицом.

Некоторое время тишину комнаты нарушали лишь звуки с улицы да слабый шелест кисти, касающейся кожи.

В приоткрытое окно тонкой стружкой втек запах из кондитерской, недавно открытой ниже по склону холма. Ваниль и шоколад. Запах оказался таким вкусным, что мне захотелось открыть рот и откусить кусочек. Как же пахнет-то, провались эта кондитерская в ад!

Приоткрыв один глаз, я с надеждой осмотрела низкий столик, на котором медленно томился над круглой свечой прозрачный чайник. В оковах запотевшего стекла неторопливо раскрывались крошечные бутоны мальвы, настаивался белый гибискус и отдавали свою свежесть листья перечной мяты. В центре травяного танца кружили лепестки зеленого чая. Достаточно, чтобы насытить отвар бодростью, и слишком мало, чтобы бодрость сменилась греховным возбуждением.

Все точно по заветам всеми уважаемой и почитаемой Марии Гренли – нынешней Чайной Леди Касла. Ну и по совместительству – моей мачехи. Благо, никто не додумался украсить мою комнату и ее портретом, но один лишь вид зеленого чая неизбежно воскрешал в памяти знакомое бледное лицо.

Я поморщилась, оторвавшись от созерцания чаинок, и снова осмотрела столик, все еще надеясь обнаружить там что-то более существенное. Например, пирожное, одно из тех, что пекут в запрещенной мне кондитерской на склоне. Или на худой конец – печенье. Но, конечно, там не оказалось ни того, ни другого.

В этом доме чай всегда заваривают по всем правилам. И к нему никогда не подают сладости.

Впрочем, прислуга сильно удивилась бы, потребуй я что-то подобное. Тем более – сегодня.

– Госпожа Вэйлинг, не вертитеесь. Я глаза крашу, а вы моргаете! – проворчала Мэй, а я послушно сомкнула веки и даже затаила дыхание. Сегодня я не могу себе позволить ни капли небрежности или неряшливости. Сегодня все должно быть идеально, как никогда.

Как всегда.

Совершенная госпожа из рода Вэйлинг в ее совершенный и самый важный за семнадцать лет день.

Живот заурчал, словно насмехаясь надо мной и этим днем. А еще предательски напоминала о пропущенном завтраке. И весьма-весьма скромном ужине, состоящем лишь из крошечного кусочка дыни.

Но верх моего выпускного платья так тесно обтягивает ребра, что я не могу позволить себе ни грамма лишнего веса. Мою тонкую талию сегодня укроет белый атлас, на котором видно даже самый крошечный, самый малейший изъян. А это значит, что никакого изъяна быть не должно.

Я идеальна. Всегда и во всем! И сегодня снова это докажу!

– Не вертите, госпожа Кассандра! Сидите ровно, что вы крутите, как юла! – снова проворчала Мэй, ничуть не стесняясь моего высокого статуса. И плевать, что пожилая Мэй всего лишь мастер визажа, а я – дочь градоначальника и почти дипломированный миротворец. В обычной жизни разница между нашими положениями на лестнице иерархии составляет так много ступеней, что с моего места Мэй даже не видно. Но не сегодня... Не сегодня. Потому что в День цветущей вишни повелительница помад и кистей – почти самый важный человек для любой выпускницы Колледжа Миротворства. А слава о мастерстве умелицы Мэй давно разлетелась далеко за пределы нашего города. Она – лучшая в умении сотворить из любого лица истинное произведение искусства. А лучшее – это то, что всегда выбирает моя семья. Именно поэтому сегодня мне завидует весь выпуск, зная, что Мэй колдует именно над моей красотой.

А уж я-то постаралась донести эту новость до всех красавиц Колледжа! Мэй Хловис сегодня красит веки и губы именно мне, несмотря на все попытки перекупить или даже запугать мастера. Глупые девчонки! Нашли с кем тягаться! Со мной! Наследницей Вэйлинг! Золотой девочкой и признанной королевой Колледжа! Кишка тонка!

Я фыркнула и не сдержала улыбку. За что тут же получила легкий шлепок от мастерицы.

– Не кривитесь, юная госпожа! – строго приказала Мэй. – Или хотите, чтобы ваши губы напоминали не цветок, а пиявку, прилипшую к лицу?

Я промолчала. Застыла как истукан, изо всех сил прогоняя мысль об испорченных губах. Даже мелькнула крамольная мысль, что надо было приглашать для макияжа не Мэй, а ее вечную соперницу – Хлою Шан...

Словно ощутив мои сомнения, хитрая мастерица обмахнула меня пушистой кисточкой и пропела:

– Хотя надо признать, ваше лицо – истинная услада для ценителя красоты. Предки щедро одарили вас, госпожа Вэйлинг. У вас удивительно чистая кожа, а оттенок... Ах, какой оттенок! Жемчуг и перламутр, не иначе! Ваши губы красивой формы и приятной наполненности. Ваш нос изящный и ровный, а ваши скулы высоки. А ваши глаза... ах, госпожа! Озера чистой воды, а не глаза! Счастье работать со столь чудесным материалом!

Я хотела снова скривиться на столь откровенную лесть, но не стала. Впрочем, мое лицо действительно приятно глазу. Светлая кожа и серебристо-белые волосы, прозрачно-серые глаза – таковы отличительные черты женщин моего рода. Такой была моя мать, несравненная Аманда. Говорят, я практически ее полная копия. Хотя глядя на портрет матери, я всегда вижу лишь наши различия.

Я снова слегка передвинулась.

Нарисованный на холсте взгляд обладал непонятным и пугающим эффектом. Куда бы я ни отошла, он всегда настигал меня. Рано или поздно.

Возможно, изобрази художник мою маму в платье и с распущенными волосами, я бы ощущала больше родства между нами. Но на картине была не мать и женщина, с холста смотрел Верховный миротворец Империи, в жёстком мундире с эполетами и черной португеей на груди. Орден не было, но даже если бы Аманда надела их все, это не смогло бы затмить самую главную, самую невероятную награду – атмэ на ее груди, Знак Совершенства. Высшее достижение Духа.

Мой отец вот не мог похвастаться подобным, но он всегда был больше воякой, чем совершенствующимся. И на военном поприще достиг таких высот, что любой солдат знает имя генерала Вэйлинга.

Впрочем... Сейчас я меньше всего хотела думать о достижениях своих родителей!

Прикрыв глаза, я медленно выдохнула и снова втянула воздух, делая паузы, как учил мастер Духа. Подобные практики невыносимо скучны, и чаще всего на подобных уроках я

просто сплю, пользуясь полутьмой, но даже у такой нерадивой ученицы, как я, за годы обучения отложится в голове правильная техника дыхания и основы гармонизации.

Я сделала еще несколько вдохов-выдохов, гордясь собой. В конце концов, сегодня у меня праздник и хватит думать о том, что портит мне настроение. Сегодня великий день! День цветущей вишни! День, когда выпускники Колледжа получают заветные белые ленты и уже заслуженное звание Начиначающего Миротворца! А самое главное – браслет. Браслет, о котором мечтает каждый житель земли!

Я постаралась сдержать счастливую улыбку, чтобы снова не вызвать недовольство мастерицы. А ведь как только я получу нейро-панель, мне уже не понадобится искусство Мэй. Я сама смогу творить со своим лицом и телом все, что пожелаю!

Ну, почти все.

Хотя, конечно, я никогда не признаюсь отцу в своем желании изменить цвет глаз или волос. Папочка свято чтит кодекс миротворцев и для него браслет имеет почти сакральное значение. Его использование должно приносить пользу Империи и окружающим людям, а не служить личным целям одного отдельно взятого индивидуума.

Я едва не скривилась, вспомнив любимое высказывание отца. Но вовремя остановила себя, дабы вновь не попасть в немилость к Мэй. От долгой неподвижности затекла спина и заболели плечи. Но я даже не вздрогнула.

– Вы чистый холст, госпожа Кассандра, – продолжила мастерица, накладывая на мои щеки сияющую пудру. – Идеальный холст для создания шедевра. Уверена, вы станете совершенным миротворцем!

Я сдержала выдох.

Все верно. Такая светлая, почти бесцветная масть – признак породы, знак избранности. Высшее качество от Вэйлинг.

– Вы прирожденный миротворец, госпожа. Как была ваша почтенная матушка, несравненная Аманда.

Несравненная Аманда. Именно так чаще всего говорят о моей маме. А потом смотрят пристально, находя во мне ее черты и пытаюсь оценить, насколько мы похожи с ней в остальном.

В остальном...

Я ощутила, как по спине ползет холодная капля пота.

– Ах, мне посчастливилось красить вашу матушку в день ее свадьбы. – Мэй издала деликатный вздох сожаления и горечи. – Никогда не забуду то утро! Осень, клены красные, как закат... и она – Несравненная Аманда. Уже с нейро-панелью, золотой браслет так и сверкал на ее руке! И уже известный миротворец... И ведь не нужна ей была я! Никто не нужен, с ее Силой Духа... Но вот – позвала. Она никогда не злоупотребляла силой панели, все это знают. Позвала мастера визажа, а ведь могла бы... Ах! Такая честь, такая честь... Никогда не забуду!

Я изо всех сил стиснула зубы. Надо было все-таки пригласить Хлою Шан. Она моложе и точно не красила мою маму – ни на свадьбу, ни на другое незабываемое событие! Но Мэй – лучшая. А Вэйлинги всегда берут лучшее.

Вот только с Хлоей у меня была бы возможность прожить это утро без разговоров о моей матери.

Это особенное утро.

К черту Мэй и ее воспоминания! Никто не испортит мне выпускной день! Сегодня все будет так, как я мечтала!

– Ну вот и все, госпожа Кассандра! – словно в ответ на мои мысли воскликнула мастерица, позволяя мне наконец-то открыть глаза и разворачивая к зеркалу. – Вы прекрасны, моя дорогая! Почти так же, как и ваша несравненная матушка.

Последнюю фразу я пропустила мимо ушей и уставилась на свое отражение. Из груди вырвался восторженный и немного удивленный вздох. Мэй действительно оказалась лучшей.

Она никогда не спрашивала, что именно хочет получить клиент, но всегда давала то, что ему надо. Я подалась вперед, словно хотела прикоснуться к собственному отражению. Мое лицо под тонкой вуалью жемчужной пудры сияло утренней росой и нетронутой свежестью. А еще – красотой. Сотворив что-то неуловимое с помощью своих кистей и флакончиков, Мэй усилила все лучшее во мне, не изменив при этом фамильные черты. Серые глаза, оттененные золотой краской, стали глубже и мерцали загадочным блеском, губы пленяли карминной сочностью. Серебро волос покрылось розовой дымкой, словно иней на рассвете. Серебро и легкий пурпур одновременно... К моей бледной и тонкой аристократичности добавились краски, а еще – изящный и легкий соблазн, словно Мэй сумела ухватить и подчеркнуть что-то ускользающее и невидимое глазу.

– Это... это... – Я не смогла найти слов, чтобы выразить собственные эмоции. По правде, я даже не до конца понимала, какие эмоции испытываю. Все-таки я впервые увидела свое лицо накрашенным. Ну если не считать тайного эксперимента, который провела, купив дешевую косметику для лица. Но тогда результат получился настолько ужасным, что я долго хихикала, вспоминая сотворённое из себя чудовище.

– О, полно, госпожа Кассандра. – Мэй с достоинством улыбнулась. – Я всего лишь раскрыла красоту ваших черт. Вы юны, госпожа, но уже через пару лет вам не понадобится мое искусство.

– Конечно, – с придыханием ответила я, все еще не в силах отлипнуть от зеркала. – Через пару лет на моей руке закрепится нейро-панель и мне не понадобится краска!

– Я не об этом. – Мэй неторопливо складывала арсенал баночек и кистей обратно в чемоданчик. – Просто вы повзрослеете.

Я хмыкнула что-то нечленораздельное.

– Счет я направлю вашему отцу, госпожа Кассандра. Еще раз поздравляю с выпуском из Колледжа и поступлением в Академию Аннонквирихе. Говорят, это удивительное место. Лучшее учебное заведение Империи. Уверена, вы станете выдающимся миротворцем и совершите много благих дел.

Ну да, ну да. Как будто мне больше нечем заняться.

– Таким же выдающимся, как и ваши родители. Как ваша несравненная матушка.

Я отмахнулась и от этой фразы. На будущее у меня свои планы, и они не имеют ничего общего с достижениями моих предков. Они выбрали свой путь и видели смысл в работе и всех этих бесконечных миссиях и секретных операциях. Отец даже сейчас, отойдя от военной службы и став градоначальником, относится к жизни так, словно вся она – бесконечное военное сражение... А мама... мама...

Я передёрнула плечами.

Они выбрали свою жизнь, но у меня своя дорога. А я уж точно не мечтаю провести ее, жертвуя собой ради высших идеалов. Хотя я давно научилась держать эти крамольные мысли при себе. Как раз после того, как получила от отца увесистую затрещину и провела несколько дней взаперти, наивно озвучив свои планы на жизнь. Кажется, мне было тогда лет семь...

Признаться, это был единственный раз, когда отец поднял на меня руку. Дальнейшие наказания были иными – иногда меня лишали ужинов, иногда запирали в комнате. Но это точно не могло меня образумить.

И что бы ни думал дражайший папочка, даже такой урок с оплеухой не заставил меня измениться. Я просто научилась держать свой язык за зубами.

К сожалению, получить нейро-панель можно лишь закончив колледж миротворцев и поступив в Академию. Так что учиться мне все же пришлось. Конечно, не так успешно, как хотелось бы отцу, но... Но это уже детали.

Пока я размышляла, любуясь своим лицом, в комнату вплыла домашняя помощница, чтобы помочь мне причесать волосы и надеть платье. Конечно, его тоже можно было назвать

восхитительным, ведь это была работа самого Жан-Поля. Для его пошива водителю пришлось несколько раз возить меня в северную столицу на примерки. Но как утверждал мастер, получился настоящий шедевр.

Что ж, надевая это чудо, я была готова с ним согласиться. Белый атласный корсет обнимал талию и верх груди. Юбка, состоящая из десяти слоев розовой тафты, казалась облаком из крыльев фей. Плечи прикрывал укороченный жакет насыщенного пурпурного цвета с жесткими плечиками и широкими, свисающими до самого пола рукавами. Мои тонкие запястья в их прорезях казались особенно изящными и трогательными. А еще весь-весь жакет и подол юбки усыпали камни. Жемчуг – символ чистоты – и бледно-розовые турмалины, сияющие в каждом блике света. Такие же камни покачивались в моих ушах, гроздьями свисая до самых плеч. Лишь руки я оставила без украшений. Сегодня мне не нужны кольца и браслеты. Сегодня я жажду получить лишь одну драгоценность, достойную руки истинной Вэйлинг – золотой браслет, наивысшую ценность нашего мира! Нейро-панель!

Пока прислужница расчёсывала мне волосы до глянцевого блеска и закалывала часть прядей на затылке, чтобы остальные оставить свободными и спадающими до самой талии, я все любовалась своим отражением, не в силах от него оторваться.

Разве я не прекрасна? Академия Аннонквирихе падет к моим ногам, едва я переступлю ее порог! Да что там Академия! Весь Староград будет гордиться тем, что Кассандра Вэйлинг почтила город своим присутствием!

Я рассмеялась от предвкушения прекрасного будущего, которое начнется сегодня.

Не слушая урчание голодного живота и восхищенное причитание помощницы, я кинула последний придирчивый взгляд в зеркало. Но не нашла в отражении ни одного, даже самого крохотного изъяна. Сегодня мир увидит новую Вэйлинг, и она будет безупречной. Так, как и хотел папочка.

Скривившись и ощутив, как померк день, залитый вишневым светом, я отвернулась от зеркальной глади и покинула свою комнату. К черту отца, к черту все!

Обратно я вернусь, любуясь золотым браслетом на левой руке. И возможно, нарисованный на холсте взгляд несравненной Аманды хоть немного смягчится.

Глава 2. Самый важный день

Семейный автомобиль, больше похожий на броневик, остановился у ворот колледжа, и я в очередной раз пожалела, что нельзя доехать до самой лестницы, ведущей к арочным дверям с надписью «Знание-Дух-Совершенство». Эх, сегодня мне этого хотелось особенно сильно! Чтобы огромные колеса остановились прямо у нижней ступени – и молчаливый водитель в фуражке открыл мне дверь и подал руку, помогая выйти. Но, увы, подобное было запрещено уставом колледжа. И конечно, это не одобрил бы мой отец.

Поэтому даже в этот особенный день пришлось вылезать самостоятельно, а водитель лишь пожелал мне счастливого выпуска.

Арочные ворота, увитые чугунными цветами, стояли нараспашку и вдоль ограды уже теснились автомобили выпускников. А сами они шумной, наряженной в традиционные цвета выпуска толпой расположились на трех ярусах главной лестницы, отчего ступени казались белыми, розовыми и пурпурными волнами.

Помню, поначалу одноклассники пытались насмеяться над тем, что я приезжаю не на аристократичном кадиллаке с открытым верхом, а на огромном железном монстре, но быстро замолчали, поняв, что связываться с Вэйлинг – себе дороже. Я улыбнулась, припоминая свои детские забавы. О нет, я никого не била и даже не угрожала. За это можно было в два счета вылететь из колледжа и получить от папочки кое-что похлеще затрещин. Да и портить руки дракой – точно не мой способ вести войну. Только дураки пытаются воевать грубой силой, которой у меня к тому же и не имелось. Я всегда была тонкой, если не сказать – худой, пусть и гибкой, как ивовый прут. Но зато у меня было весомое преимущество, и это не тень папочки-градоначальника за спиной. Ладно. Не только тень папочки за спиной! Просто я всегда была умной. Кто-то злобный и завистливый, типа моей вечной врагини Джемы Ржаник, назвал бы это хитростью и коварством, но во-первых, мне плевать на мнение Джемы, а во-вторых... во-вторых, чем хитрость отличается от ума?

Да, еще в младших классах я научилась мстить своим обидчикам. И тем, кто осмелился усмехнуться в открытую, и тем, кто шептался за спиной тайно.

Уже в семилетнем возрасте я поняла, что у каждого-каждого есть маленькие тайны, грязные секреты и постыдные поступки, которые человек пытается скрыть от окружающих. И что люди готовы на многое, чтобы эти тайны так и оставались тайнами.

О! Это было осознание, достойное ордена! Самый важный и самый нужный урок, который преподнесла мне жизнь.

И за прошедшие десять лет маленькая Кассандра Вэйлинг очень хорошо научилась обращаться с чужими секретами. Я собирала их вдумчиво и бережно, хранила в кладовых своего разума, чтобы достать в нужный момент. И тут весьма пригодился папа-градоначальник, принимающий в своем доме всех важных и нужных людей города. Поначалу это было лишь моим развлечением. В конце концов, что еще делать маленькой девочке в огромном доме или на скучных светских приемах? Друзей у меня не водилось, так что я сама придумала себе занятие. Пряталась за занавесками кабинета, где мужчины с сигарами обсуждали нечто тайное и взрослое. Либо сидела под столом гостиной, в которой хихикающие леди полупшепотом выдавали друг другу свои непристойные тайны или семейные склоки.

Никто не обращал внимания на среброволосую девочку с широко распахнутыми глазами и милой улыбкой. Никто не видел в ней опасности. Всего лишь ребенок, ненароком подслушавший то, чего наверняка даже не понял.

Но я быстро научилась понимать. Понимать, запоминать и складывать в свою копилку чужих секретов.

Внимательный глаз способен подметить многое. Обрывки разговоров, прерывистые строчки удаленного сообщения, страстный шепот в темноте комнаты...

Я умела видеть детали и складывать по ним картину чужой тайны.

А потом...

Сыновья и дочери этих мужчин и женщин учились со мной в одной школе, а потом и в одном колледже. Все-таки Касл совсем небольшой городок... И все, кто посмел пойти против Кассандры Вэйлинг, однажды были наказаны. Так или иначе.

Я снова улыбнулась. Порой приятно вспомнить детство.

Оправив юбку и высоко задрвав подбородок, я осмотрелась. Но где же Дамир? Почему не караулит вход в ожидании меня? Неужели забыл? Но он не мог забыть о таком важном деле!

Сзади кто-то посигналил, оповещая, что пора освободить проезд. Я снова осмотрелась, мысленно проклиная Дамира и придумывая самую страшную месть из своего арсенала! И этот идиот еще надеется перевести наши отношения в новую плоскость? Например – горизонтальную? Да все, что он получит от меня после сегодняшнего прокола – это бесконечное презрение! И зачем только я связалась с этим недоумком?

Зачем, зачем... Затем, что Дамир – самый красивый парень выпускного курса. Он высокий и спортивный, а еще он обладатель роскошных золотых кудрей, зеленых глаз и шикарной улыбки. О нем мечтают все мои сокурсницы и даже несколько преподавательниц.

И именно поэтому сегодня он должен был сопровождать меня к лестнице! Именно поэтому я терплю его целый год, с того самого момента, как пришло время выбирать пару на выпускной. Терплю, тщательно скрывая собственное раздражение!

С дороги снова посигналили, и водитель, пожелав мне счастливого выпускного, уселся за руль и медленно сдал назад.

Я выругалась самыми грязными, самыми отборными словами, которые с удовольствием подслушивала во время перепалок водителя и кухарки. Конечно, никто из них и предположить не мог, что во время их разъяренных словесных баталий за углом устраивается дочка хозяина и чуть ли не конспектирует их цветистые высказывания. Хотя записывать мне и не требовалось, у меня всегда была отменная память... на всякие гадости! С какой радостью я сейчас выкрикнула бы все, что знала, в лицо Дамиру! Или хотя бы – вслух! Но увы, все что я могла – это выругаться мысленно, а потом нацепить на лицо свою самую царственную маску и поплыть ко входу в колледж, ведь и дальше стоять у ворот, словно попрошайка – гораздо хуже. На ступенях лестницы уже толпились выпускники – все наряженные в шелка и увешанные драгоценностями. Конечно, если они у них имелись. Те, кто не мог позволить себе камни, приколоты к платьям и сюртукам веточки цветущей вишни. К моему величайшему сожалению, наряду с аристократией Касла колледж принимал на обучение и детей самых обычных, ничем не выдающихся горожан. Конечно, все понимали, что подобным неудачникам лучше бы учиться в какой-нибудь затрапезной школе гончарного мастерства, а не метить в миротворцы! Но попадались и те, кто этого не знал, или делал вид, что не знает.

Как, например, та самая Джема.

А вот, кстати, и она, чтоб ее бесы слопали!

Джема Ржаник, одетая в простое белое платье, с заплетенными в толстую косу каштановыми волосами и хмурыми светло-кариими глазами. Джема, всегда вызывающая у меня лютую неприязнь. С самого первого дня, когда меня – новенькую ученицу, – усадили с ней за одну парту. С того дня, как Джема протянула мне маленькую, перепачканную чернилами ладошку, и широко улыбнулась.

Да, я возненавидела ее в тот самый момент. Хотя... какая к черту ненависть? Слишком много чести для такой, как Джема! Я всего лишь ее...презираю.

Презренная Ржаник стояла на верхнем ярусе лестницы и, прищурившись, смотрела, как я поднимаюсь. Выпускники расступались передо мной, словно пурпурное море. Взгляд Ржаник

приклеился к моему лицу и наряду, так что я еще сильнее вздернула подбородок, вышагивая на высоченных каблуках и наслаждаясь воцаряющейся вокруг меня тишиной. Я заставила себя не торопиться, а идти медленно, с гордым видом королевы.

Эх, все же жаль, что нельзя подниматься по этой лестнице в окружении верных слуг! Они были бы достойным обрамлением моего царственного шествия!

Голоса и смех учеников смолкали, пока я шла, и все-все головы поворачивались в мою сторону. И на всех-всех лицах я видела восторг, изумление, зависть! Чужие эмоции полились щедрым бальзамом на мою слегка поцарапанную Дамиром душу, и я совсем замедлила шаг, чтобы впитать побольше!

А когда наконец достигла верхней площадки, поняла, что вокруг стало удивительно тихо и все смотрят лишь на меня.

– Кассандра, оу, ты отлично выглядишь! – с восхищением выкрикнул Патрик, и я величественно кивнула.

– Какая ты красивая, Кэсс! – восторженно подхватил долговязый Архип. Из-за искреннего восторга в его круглых карих глазах я даже решила простить это панибратское «Кэсс». Один раз – прощу. Так уж и быть. Но лишь раз. Потому что чести называть меня сокращенным именем удаивались лишь избранные, в число которых этот недоумок, конечно же, не входил.

Эту парочку – Патрика и Архипа – в обычные дни я даже не замечала, но сегодня они сыграли важную роль. Возможно, самую важную в своей никчёмной жизни! Своими восторгами они запустили лавину всеобщего восхищения, которая полилась на меня со всех сторон, заставляя даже забыть, что пришлось подниматься по проклятой лестнице в одиночку! Сейчас я даже порадовалась, что мерзавец Дамир не явился, чтобы поддержать меня, ведь так мое шествие оказалось еще более впечатляющим.

Нет, я не покинутая всеми одиночка. Я – прекрасная богиня, поднимающаяся на вершину мира! Мое появление вышло даже лучше, чем я ожидала, но это не означает, что я прощу Дамиру его подлую выходку!

– Кассандра, ты звезда!

– Прекрасная Кассандра Вэйлинг...

– О, кто эта дева из грез? Что за чудесное видение?

– Такое платье демонстрировали на показе мод в Нью-Пэйрисе... Это работа самого Жан-Поля? Невероятно!

– Посмотри на ее серьги... Такие изысканные... Неужели бриллианты?

– Конечно, бриллианты! Ее папочка не жалеет денег на дочурку... Вэйлинги богаче всего Совета...

– Ты ведь знаешь, кто ее мать?

– Спрашиваешь...

Поток восторгов и комплиментов все не иссякал. Я принимала их со снисходительным и слегка скучающим видом, в конце концов, королеве колледжа не привыкать к подобному! Но про себя скрупулёзно запоминала каждого и вычисляла тех, кто не проявил должного рвения в похвалах.

В стороне от всеобщего оживления осталась сама Джема и кружок таких же неудачников. К моему удовольствию, весьма маленький кружок!

Сполна насладившись потоком лесты и восхвалений, я соизволила наконец двинуться к дверям.

– Размалевалась вся, – прошипела мне вслед подруга Джемы – приземистая и коренастая Ивона. – Лицо разукрашенное, серьги до плеч!

Я слегка замедлила шаг, размышляя, как поступить.

Проигнорировать? В конце концов, кто придаст значение завистливому шепотку некрасивой Ивоны?

– Выглядит, как... как!..

Я грациозно повернулась и окинула девушку насмешливым взглядом.

– Ах, Ивона, – пропела я, привлекая всеобщее внимание. – Я выгляжу так, как никогда не будешь выглядеть ты. И раз ты не можешь подобрать правильное слово, то подскажу. Я выгляжу как дива. Как прекрасная дива, о которой мечтают все встречаемые парни. Но ты ведь никогда не узнаешь, что это такое, верно? Никто не мечтает о такой, как ты. Разве что любители сочных свинок.

Ивона залилась яркой багровой краской, обретя полное сходство с упитанным поросенком. Я давно заметила эту ее особенность и держала в уме, как шпильку, которую однажды можно воткнуть в бок.

– Да как ты смеешь! Ты... ты! – от волнения Ивона поперхнулась воздухом и издала хрип, ужасающе похожий на хрюканье.

Толпа выпускников захохотала, а девушка всхлипнула и бросилась прочь, спотыкаясь и едва сдерживая слезы.

Увы, Ивона никогда не отличалась умением держать удар. На самом деле я вообще не понимаю, как с таким ужасным самоконтролем она сумела закончить колледж.

Кто-то заплодировал, кто-то тоже захрюкал.

Джема насупилась, сжала кулаки и шагнула ко мне. Я подняла брови в деланном изумлении, а сама тем временем лихорадочно прикидывала, что буду делать, если ненормальная Джема все-таки бросится на меня. Вдруг она решит отомстить за все годы нашего обучения?

Но, конечно, я не позволила себе даже моргнуть и тем более утратить царственный вид. Королевы не бегут, когда видят бунтующую чернь! Королевы отвечают. А потом мстят. Беспощадно.

И все же вопрос с Ржаник надо решать быстро, пока она в самом деле не бросилась на меня и не повалила на мрамор, колотя башкой об пол. Помнится, в детстве она была на это способна.

– Ах, Джема, Джема, – с издевательской лаской произнесла я, краем глаза оценивая свою позицию.

Выпускники выстроились полукругом, с жадностью следя за развернувшимся действием. Я покосилась краем глаза. Кого я могу привлечь в союзники так, чтобы это не выглядело мольбой о помощи?

Черт, ну почему этой дурочке было просто не пройти мимо? Не закрыть глаза, как она привыкла делать!

– Что я вижу, Джема? Ты сжала кулаки? Неужели ты проявляешь открытую агрессию? И где? У входа в колледж миротворцев? Ай-ай, – покачала я головой, надеясь, что выгляжу все такой же расслабленной и невозмутимой. Я даже улыбнулась – снисходительно, как и подобает королеве. Сделала широкий жест рукой, словно привлекая собравшихся в свидетели. Хотя они и так ловили каждое мое слово. – Джема, это недопустимо. Ты источаешь низкие вибрации, я чувствую их даже без браслета! Это так...недостойно... Так отвратительно. Боюсь, комиссия может решить, что ты и сама недостойна получить сегодня новое украшение!

Ржаник издала низкий шипящий звук, но я заметила тень страха в ее глазах. Ну конечно же. Джема – дочь одинокой портнихи, и поступление в колледж, а потом в Академию миротворцев – для нее невероятная удача. И конечно, на Джемю возлагаются невероятные надежды. Если сегодня Ржаник не получит белый браслет, все прошедшие годы окажутся напрасными. Вся ее жизнь окажется напрасной.

И Ржаник прекрасно поняла мой непрозрачный намек. Ведь в комиссию по распределению браслетов входит и градоначальник. Мой отец.

– Ты не посмеешь, Вэйлинг, – процедила она.

– Я? Но разве это я распространяю вокруг волны агрессии? Осторожно, Джема. Кое-кто может подумать, что ты от природы склона к низким вибрациям.

Я снова сделала широкий жест рукой, показывая, что за моей спиной очень много этих кое-кого. Тех, кто захочет остаться верным другом дочери градоначальника и наследницы Вэйлинг. Тех, кто знает, что не стоит ссориться с королевой.

Понимая, что сила на моей стороне, и желая показать, что я уж точно не боюсь эту Ржаник, я сделала несколько плавных шагов, отдаляясь от верной паствы и приближаясь к врагам. Королева не чувствует страха.

Джема вздрогнула, когда я подошла. Ее карие, словно мокрые камушки глаза, расширились, и я увидела в зрачках свое великолепное отражение. Глупые и никчемные подружки Ржаник торопливо отскочили в сторону, словно это я сжимала кулаки.

Хотя я всего лишь улыбалась.

Королева побеждает.

– Кое-кто даже может решить, что у тебя есть тяга к мортидо*, Джема, – почти нежно прошептала я, склоняясь к лицу врагини. Мы с ней были одного роста, но Джема шире в плечах и бедрах. Она похожа на крепкий дубок, тогда как я – тонкая серебристая ива.

Губы Джемы скривились то ли от страха, то ли от злости.

– А может, те, кто пустил тебя обучаться, ошиблись? Может, ты и вовсе... разрушитель?

Страшное слово повисло в воздухе. Кто-то ахнул и отшатнулся, уловив его. Злое эхо чернотой прокатилось по белым, розовым и пурпурным рядам учеников, пачкая радостные лица испугом. И выпускники слаженно отшатнулись назад.

Джема вздрогнула, уставившись на меня с ужасом.

– Ты сошла с ума! – почти выкрикнула она. – Я будущий миротворец!

– Но ты едва не бросилась на меня с кулаками. Это все видели. Ты источаешь злобу.

– Ты меня провоцируешь!

– Я? Я всего лишь шла мимо. Я тебя даже не видела, – не моргнув, соврала я. – А вот ты набросилась со своей сворой. Натравила на меня Ивону. Неужели это зависть? Не можешь пережить моего успеха, Джема? Трудно смириться с тем, что не ты стала лучшей? Что не ты получишь золотой браслет?

У девушки отчетливо дернулась щека.

Главное правило королевы – знать уязвимые места своих врагов. Восприимчивость Ивоны. Или тайные мечты Джемы Ржаник.

О да, я точно знаю, что она мечтала об этом знаке признания. Золотой браслет, украсивший запястье на всю оставшуюся жизнь. Знак привилегий, знак избранности. То, что открывает дверь в лучшую жизнь. В невероятные возможности.

Золотой браслет всегда получает лучший ученик колледжа.

Его получает королева.

Я.

– Стерва. – Джема вдруг качнулась, и наши лица оказались близко-близко. Так близко, что я рассмотрела каждую ее черточку. И увидела, что на лице врагини нет ни капли краски. Ни помады, ни теней, ни туши. Что ее ресницы такие длинные и черные, а губы яркие, потому что так решила сама природа. А блестящие волосы Джемы, сейчас заплетенные в косу, завиваются в кольца тоже без всяких щипцов. Что ее платье – простое, светлое, сшито из дешевой ткани, и наверняка над ним поработал не какой-нибудь выдающийся и известный дизайнер, а ее мать-портниха.

Я вижу все это в один момент. А еще то, что Джема красива. Совсем не аристократична и даже не изящна, но... красива. Ее красота тоже простая и какая-то плотская. Она как земля. Как дерево. Как река.

И еще она – истинный миротворец. Лучший, настоящий миротворец нашего выпуска.

Мне ли не знать.

И да, это она должна надеть сегодня золотой браслет. Это она должна получить признание и похвалу Высокой комиссии. Это она должна идти по Аллее цветущих вишен с высоко поднятой головой, сияя гордостью и вновь приобретенным сокровищем.

Если бы мир был справедлив.

Но он несправедлив.

И по Аллее, высоко подняв руку с золотой полоской, пойду я. И лепестки вишен будут падать на мои плечи. И мне будет рукоплескать город.

Мне, королеве. Которая умеет побеждать. Любой ценой.

Все это проносится между нами, отражается в наших глазах. В моих – прозрачно-серых, обведенных кармином и сумраком. В ее – светло-карих, теплых, как корочка свежее испеченного хлеба.

– Я тебя ненавижу, Кассандра Вэйлинг, – тихо, в губы мне выдыхает Джема. – За все. А ведь когда-то я считала тебя...

Она замолкает, не договорив. И вовремя. Произнеси она неправильные слова, и возможно, это я не смогла бы сдержаться.

И все же мне почему-то хочется узнать то, что она не сказала. Считала меня... кем? Кем?

– Я считала тебя... нормальным человеком! – выпаливает вдруг Джема. – А сейчас – ненавижу!

– Я знаю, – шепчу в ответ. – Твоя ненависть такая же жалкая, как и ты сама, Джема. Она ничего не стоит.

– Это твой золотой браслет ничего не стоит, – тихо, чтобы не услышали другие, говорит девушка. – Он фальшивый. И ты тоже – фальшивая. Ты не миротворец. Ты недостойна.

Внутри что-то обрывается и падает, падает на дно моей души. Увы, этот враг тоже знает мои слабые места. Но к счастью, враг слишком труслив, чтобы этим знанием по-настоящему воспользоваться.

И все же я дрогнула. Тайна, которую я храню, ворочается на дне души, разрастается и поднимает голову, как большой уродливый монстр. Наверное, что-то такое все-таки отражается в моих глазах, потому что Ржаник прищуривается.

– Отец не сможет вечно прикрывать твой зад, Кассандра. Однажды все узнают, что ты...

– Мой отец тут ни при чем, – вырывается у меня.

Черт, черт, черт! Я сглупила и лягнула, не подумав. Нельзя, нельзя такое говорить! Пусть считает, что это папочка-градоначальник обеспечил мне золотой браслет. Пусть лучше так...

Я не могу, не должна произносить, что великий генерал Ричард Вэйлинг ни за что не стал бы этого делать. И если он узнает правду, все станет очень, очень плохо...

Но как, как я могла сказать это вслух? Все-таки Джема имеет надо мной некую власть. Хотя неудивительно. Она сильная. Очень сильная... И это даже без браслета.

И на миг мне кажется, что она сумеет победить...

Но удача всегда на стороне сильных. На стороне королев.

– Кэсси! Вот ты где! Боги, какой наряд! Ты решила затмить луну и звезды? И заодно – все цветущие вишни? Кассандра, ты невероятно красивая! Дай я на тебя посмотрю! – раздается за спиной звучный голос, от которого Джема вздрагивает и мигом сдувается, словно проткнутый иглой воздушный шарик.

Рядом со мной вырастает высокая фигура, и мне не надо оборачиваться, чтобы понять, кто это. Теплая ладонь ложится на мою талию, и Дамир – конечно же, это он, – осматривает нас со слегка удивленной улыбкой. Я поворачиваю голову. На лице парня играют ямочки, его золотистые волосы треплет ветер. Он безупречен, как янтарь в дорогой оправе. Достойная рамка для королевы.

Мечта всех девушек колледжа.

И тайная греза Джемы Ржаник.

Под веселым и нахальным взглядом Дамира врагиня теряет самообладание и весь свой запал. Ее щеки розовеют, губы приоткрываются, плечи опускаются. Вся ее агрессивность разлетается пеплом. Чувства делают ее слабой и мягкой, словно незащищенное брюшко ежа.

А мне ее чувства дают еще одну шпильку, которую можно воткнуть в поверженного врага. Я не прощаю тех, кто увидел мою слабость.

И поэтому я улыбнулась Дамиру, скользнув ладонью по его плечу. А потом сама взяла его за руку.

Парень вздрогнул от удивления, опустил взгляд на мои пальцы, лежащие в его ладони. Его зеленые глаза потемнели из-за расширившихся зрачков, а мне эта реакция почти вернула хорошее настроение. Все же парни такие глупые! И ими так легко вертеть во все стороны!

– Кэсси?

– Я так рада тебя видеть, дорогой!

Я улыбнулась ошеломленному Дамиру. Как же вовремя он появился! Так вовремя, что, возможно, я даже забуду о его опоздании, из-за которого мне в одиночку пришлось тащиться по лестнице! Почти забуду. И моя месть теперь будет не такой страшной!

А пока я надела на лицо маску невинной и прекрасной богини и придвинулась ближе, с удовольствием наблюдая, как ошеломление на красивом лице парня сменяется радостью и даже счастьем.

Он смотрел на меня влюбленными глазами, не видя, что Джема часто-часто моргает, едва сдерживая слезы.

Впрочем, в этот момент Дамир не видел никого, кроме меня. В отличие от меня самой. Потому что я-то как раз смотрела на поверженного врага, который в один миг превратился в обычную девчонку, готовую разрыдаться из-за смазливового парня.

Что еще раз доказывает, насколько она глупа. Я вот никогда не стану страдать из-за чувств к мужчине. Королевы не влюбляются.

Но победу надо было закрепить, а врага добить, чтобы он раз и навсегда запомнил, кто здесь главный. Поэтому я приподнялась на носочки и мягко прикоснулась губами к щеке Дамира, вырывая его вздох и аплодисменты публики. Теплая мужская ладонь на моей талии заметно потяжелела.

– Я очень рада тебя видеть, милый. – Я смотрела ему в лицо, но видела лишь Джему. То, как она на миг прикрывает глаза.

– Здравствуй, Дамир. Ты сегодня отлично выглядишь, – смущенно пролепетала девушка, не понимая, что он ее не слышит.

Дамир даже не повернул головы. Он сиял как начищенная монета, решив, что в наших отношениях наконец-то начались столь желанные для него перемены.

Джема снова моргнула. На ее загорелых щеках залегли некрасивые стыдливые пятна румянца. Вот удивительно – бесстрашная и решительная Джема, которая не боялась открыто выступать за то, что она считала справедливостью, всегда пасовала перед красавчиком Дамиром и в его присутствии не могла связать и двух слов.

Впрочем, и это мне на руку.

Я медленно провела кончиком пальца по пурпурному бархату пиджака Дамира и промурлыкала:

– Как приятно, что ты оделся в мои цвета, милый. Мы станем украшением этого вечера. – Все же не зря я настояла на том, чтобы заранее оговорить его наряд. Рамка должна выгодно подчеркивать королеву.

– Ты украшение любого вечера, дня и ночи, Кэсси, – хриловато от эмоций сказал Дамир, а я едва не поморщилась. Ну что за пошлость....

– Дамир, я слышала, ты поступил в Аннонквирхе? – снова попыталась привлечь внимание красавчика Джема.

Он повернул голову, но я тут же положила ладонь на его щеку, сбивая с толку новой улыбкой.

– Думаю, сегодня прекрасный день для начала новой жизни, правда, дорогой? И новых отношений? – с намеком произнесла я, и парень тут же забыл обо все на свете.

– Кэсс! Ты говоришь о...

Я многозначительно запечатала ему рот рукой.

– Тут посторонние.

– Что? Да мне плевать! Мне на всех плевать! Кэсс! Я так тебя....

Дамир внезапно подхватил меня за талию и приподнял, вырвав у меня одобрителный смешок, а у публики – новые аплодисменты. Я едва не замурлыкала, представив, как восхищенно мы смотримся: тонкая юная красавица в объятиях сильного и мужественного парня, пена юбок, искры пурпурных камней, развевающиеся розовые локоны!

Поистине спектакль, достойный оваций!

– Поставь меня, глупый!

– Кэсс, я так рад! Значит, ты на меня не злишься? За то, что я немного опоз...

А вот это уже не для ушей Джемы! И поэтому я стиснула руку Дамира так, что ногти впились ему в кожу, а сам парень удивленно вздрогнул.

– Кэсс?

– Думаю, нам пора войти в здание, сколько можно стоять на этом солнцепеке, – капризно протянула я.

Парень несколько удивленно поднял взгляд на широкий каменный свод над нашими головами, но покорно кивнул и повел меня к дверям. Так и не посмотрев на Джему.

А я вот не удержалась. Повернула голову и едва не вздрогнула от жгучего взгляда Ржаник. Она смотрела не на Дамира, нет. Она смотрела на меня. И увидев ее взгляд, многие преподаватели засомневались бы в миротворческих наклонностях этой ученицы.

В этом взгляде было слишком много чистой, темной, обжигающей ненависти.

Мортидо – термин, используемый в психоанализе для обозначения вида психической энергии, источником которой является гипотетический инстинкт смерти.

Глава 3. Темный альков

Стоило перешагнуть широкие двери колледжа и оказаться в сумраке холла, как я выпустила руку Дамира и попыталась отстраниться. Но не тут-то было! Ладонь парень отпустил, но тут же обвил мою талию и, стремительно миновав полукруг мраморных статуй, сурово взирающих на входящих, затащил меня в неглубокую нишу за ними. Ученики называли эти тайники «альковами для поцелуев». Не знаю, для чего они предназначались при строительстве, может, когда-то в них стояли питьевые фонтанчики или прятались закованные в латы стражники, но сейчас эти углубления использовались в основном для разных фривольностей.

Собственно, именно этим Дамир и решил заняться.

Притянул меня ближе и потянулся к губам.

Я уперлась руками ему в грудь, не давая нашим ртам соприкоснуться.

– Эй, ты чего! – возмутилась я.

– А? – Он снова попытался стать ближе, но я мотнула головой, и вместо губ Дамир ткнулся в мой висок.

Я вздрогнула от влажного прикосновения и отпихнула парня уже всерьез, изо всех сил.

– Кэсс, ты что? – с обидой протянул Дамир, все еще пытаясь сократить расстояние между нами. – Ты же сама говорила! Только что!

– Ничего я не говорила, – буркнула я.

– Сказала, что хочешь сделать наши отношения лучше!

– Тебе показалось. – Я осторожно выглянула из-за алькова, надеясь, что поблизости не топчется парочка слишком любопытных выпускников. Но к счастью, почти все они стояли на лестнице в ожидании ректора.

– Да как это показалось? Ты же сама... – Дамир насупился и помрачнел. Его глаза недобро сощурились. – Снова твои шуточки, да, Кэсс?

– Не понимаю, о чем ты.

– Думаешь, я дурак? – Он наконец перестал махать руками, пытаясь поймать мои ладони. – Думаешь, не вижу, как ты... играешь? Когда тебе нужно, ты нежнее лепестков вишни, а когда нужда во мне пропадает, снова возвращается ледяная Кассандра! Почему ты так ведешь себя? Почему ты такая... бесчувственная!

Я промолчала, не видя смысла даже возражать. В конце концов, наше обучение подошло к концу, и Дамир выполнил свою функцию. Я окинула его придирчивым взглядом. Да, Дамир Норингтон, несомненно, красив. Статный, богатый, из хорошего и уважаемого рода. Король колледжа. Но я не видела особой разницы между ним и статуями в холле. Или между ним и долговязым рыжим Архипом. Один король, второй – пешка, но по сути оба – лишь фигурки на моей шахматной доске. Выполняют свои ходы, зарабатывают для меня очки, а после падают в коробку, и я тут же о них забываю.

Словно услышав мои мысли, парень слегка побледнел. Неуверенно взъерошил волосы, заставляя блики света плясать на золотых прядях. Это тоже было красиво. И тоже совершенно не трогало.

– Кэсс, послушай... прости меня. Я сам не знаю, что говорю. Назвал тебя бесчувственной, прости... Я не хотел тебя обидеть...

– Я не обиделась.

С чего бы мне обижаться на правду?

– Да еще и этот день... Мы все сегодня немного... не в себе, правда? – Он выдавил улыбку, и я заскучала.

Я всегда в себе, не надо обобщать.

– Послушай, мы вместе почти год. И я хочу... хочу сказать, что это было лучшее время в моей жизни!

Я сумела подавить зевок. Конечно, не потому что боялась обидеть Дамира, а потому что от зевоты может испортиться мой макияж.

– И ты должна знать... знать... То, что я сказал тебе на лестнице... То, что хотел сказать...

Он судорожно выдохнул, и даже в сумраке ниши стали видны появившиеся на щеках пятна волнения.

– Кассандра Вэйлинг, я люблю тебя!

Нет, все-таки зевнула. Надо срочно найти зеркало и проверить губную помаду!

– Кэсси, ты меня слышишь? – Дамир схватил меня за руки, и я поморщилась.

Надеюсь, на запястьях не останутся следы, мне сегодня еще сиять золотым браслетом. Будет ужасно, если на фотографиях крупным планом мои запястья окажутся с пятнами.

– Ты слышала, что я сказал?

– Ну конечно, я слышала. Я ведь не глухая. А если ты будешь так орать, тебя услышит весь колледж.

– И хорошо! И пусть! – горячно выдохнул парень, сжимая мои пальцы. – Пусть все знают! Не думай, что это временно, Кэсс... Я знаю, что я чувствую! Я люблю тебя. И это всерьез. Всерьез, понимаешь? Я хочу, чтобы у нас тоже все было всерьез!

– Дамир, успокойся, – покосилась я на мраморную спину, отделяющую нас от холла. Надеюсь, за ней не собралась толпа, чтобы послушать любовные излияния наследника Норингтонов. Вот же проклятье! И как я вообще оказалась в подобной ситуации? Как позволила затащить себя в этот... альков! За прошедший год я ведь выучила миллион и один способ как не допустить подобного безобразия!

Все дело в этой гадине Ржаник! Джема вывела меня из равновесия и заставила утратить бдительность. И вместо того, чтобы блистать в кругу поклонников и завистников, я стою в пыльном углу и выдираю свои пальцы из горячих как уголь рук Дамира! Какой позор!

– Я хочу серьезных отношений. Понимаешь? Настоящих! Я люблю тебя и хочу всегда быть с тобой. Всегда! Я хочу... Кэсс, ты выйдешь за меня замуж?

– Ты с ума сошел? – вот сейчас я действительно удивилась. – Дамир, ты в своем уме? Какие серьезные отношения, нам по семнадцать лет! Надо поступить в Академию, а потом... Вся жизнь впереди! Я хочу путешествовать, увидеть все три столицы, посетить разные уголки Империи и другие страны. Да и потом... Я не хочу замуж.

Тем более – за тебя.

– Да, мы молоды. – Парень упрямо выпятил челюсть, становясь похожим на бычка. – Но это ведь не помеха! Мои родители полюбили друг друга в колледже, а поженились на втором курсе Академии. И до сих пор счастливы. У нас будет так же, Кэсс.

Я все-таки смогла выдернуть свои ладони из его лапищ и осторожно размяла пальцы. Бедный наивный Дамир. Нет, у нас никогда не будет так же. Потому что мы не твои родители, на которых ты так восторженно ровняешься. А я не застенчивая и милая леди Анна – твоя мамочка.

Конечно, я знала семью Дамира. Как и все уважаемые семьи, они входили в Совет города, где председательствовал мой отец. По сути, мы были знакомы с той поры, как я впервые надела лаковые туфельки, чтобы станцевать вальс на зимнем балу. Мне тогда едва исполнилось восемь лет. И уже тогда семейство златокудрых Норингтонов казалось мне ненастоящим.

Став старше, я поняла, в чем тут дело. Леди Анна, ее супруг Марк, сам Дамир и две его старшие сестры словно выбрались из открытки. Такие продают в огромном дворце библиотеки Архивор, что горделиво возвышается за Аллеей цветущих вишен. Помимо полок с тяжелыми талмудами в кожаных или деревянных окладах, старинных книг, картин и антиквариата, в этом

здании есть огромный стеллаж с подобными открытками. Каждая картонка стоит как месячный оклад нашей кухарки. И с каждой в обрамлении толстых золотых вензелей смотрит прекрасный херувим – точная копия представителей семейства Норингтон.

В детстве я обожала эти картинки. С пузатыми малышами в белых платьицах, с суровыми мужчинами при мечях или шпагах и прекрасными женщинами в бархате, окруженными детьми и роскошными длинноносыми собаками. Я собирала эти открытки и рассматривала их ночами, мечтая забраться в одну из них и остаться там навсегда. А потом поняла, что все это – совершенно ненастоящее. Что так не бывает. Нет таких отцов и матерей, нет детей, улыбающихся, словно перед ними стол, заваленный пирожными. Все это лишь фантазия.

А потому, когда я встретила Норингтонов, я была уверена, что все они лишь притворяются, изображая счастливое семейство и копируя тех самых нарисованных ангелочков.

А когда поняла, что они и в самом деле такие... Возможно, именно в тот день у меня появилось желание сделать кому-нибудь из них больно? Например, улыбающемуся мальчику, который пригласил меня на первый в моей жизни танец...

– Кэсс? Ты меня слушаешь? Мы могли бы...

Я мотнула головой, наблюдая, как разлетаются мои волосы – розовые сверху, серебряные внутри. Тот мальчик давно вырос, как и я, впрочем.

Удивительно, но даже спустя годы Дамир все еще напоминает мне о тех открытках.

– Ничего мы не могли бы. – Мне надоел и этот балаган, и этот угол, и этот олух со всеми его чувствами. – Никогда.

– Я дам тебе время...

– Мне не нужно время, Дамир.

– Послушай... Я...

Не зная, что сказать и как вести себя, он снова потянулся ко мне, решив по глупости, что поцелуй скрасит неловкость момента и расставит все по своим местам. Что влажное прикосновение губ и языка зажжет искру в моей душе. Ну и все такое, в том же духе дурацких открыток с золотыми вензелями.

Но я лишь отпихнула парня, и он застыл, нелепо согнувшись и моргая.

– Не смей, – отчеканила я.

Дамир заморгал, и на миг мне показалось, что он расплчется, словно девчонка. А ведь любая другая девушка колледжа была бы счастлива оказаться на моем месте. А Джема так и вовсе сошла бы с ума от радости!

Но я не любая.

Я королева.

– Не смей, – повторила я.

– Ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

– Мой первый поцелуй достанется тому, кого я захочу с первого взгляда, – насмешливо отозвалась я.

Дамир сглотнул сухим горлом и выпрямился.

Да, я знаю, многие в колледже уже целовались, а кто-то и не только целовался, но я ведь не многие. Я – особенная. И не позволю какому-то парню залезть в мой рот языком только лишь потому, что мне любопытно. Ну уж нет.

– Но я люблю тебя...

– А я тебя нет, – припечатала я, в упор глядя на Дамира. – Никогда не любила и никогда не полюблю. Мне неприятны твои прикосновения. Я всего лишь хотела, чтобы ты стоял рядом, когда мне это нужно. Но даже с этим ты не смог достойно справиться!

– Ты злишься на меня за опоздание! – Норингтон даже обрадовался, найдя причину моего поведения. Похоже, он все еще думал, что я снова играю, лишь изображая холодность. – Но я все объясню! Маме стало плохо, и я...

– Мне наплевать, – четко произнесла я, и Дамир поперхнулся.

Неловко дернул плечом, растерянно переступил с ноги на ногу. Не так он представлял этот разговор, совсем не так... В его голове все еще звучали фанфары его фантазий и заглушали голос разума. Там он уже нарисовал и это объяснение, которое закончится слезами и поцелуями, и нашу будущую жизнь, срисованную с жизни его родителей.

Словно не понимая, что потерпел полное и окончательное фиаско, парень вдруг встрепенулся, вспомнив.

– Ох, я совсем забыл! Я ведь забыл! И все сделал не так... Прости, Кэсс, сегодня и правда ужасный день... То есть я снова говорю не то! Это самый лучший день! Конечно, самый лучший! Просто я несколько... – Он суетливо сунул руку в карман пиджака, выдернул бархатную коробочку, выдохнул и открыл крышку.

Темный угол словно стал светлее от робкой улыбки Дамира и от кольца, сияющего в атласном гнездышке.

– Это мамино... Семейная реликвия. Она сказала отдать его тебе... сегодня... А вечером, после выпуска, мы могли бы пойти к ней и... вот... Примерь...

Я жала губы. Несильно, все еще помня о макияже. Не хватало еще к пятнам на руках заполучить размазавшуюся помаду!

А потом дернула рукой, на которую Дамир настойчиво пытался пристроить кольцо.

– Ты что, глухой? Или тупой? – Я окатила его презрительным взглядом. – Я тебя не люблю. И мы расстаёмся. Сейчас же. Все, отстань от меня!

Украшение, выбитое из ладони, описало в воздухе дугу и – звяк! – скатилось в щель между досками. Блеснуло ярким камушком и пропало. Дамир перевел ошеломленный взгляд с пола на меня.

– Но мама...

– Ах, да мне плевать! И на тебя, и на твою ненаглядную мамочку! Катись к ней и оставь меня в покое, понял? Все ваше ненормальное открыточное семейство... да катитесь вы к черту!

И развернувшись на каблуках, я наконец покинула проклятый альков, оставив ошеломленного парня то ли смотреть мне в след, то ли искать укатившуюся в неизвестность семейную реликвию.

Я забыла и о Дамире, и о кольце, как только повернулась спиной и вышла на свет.

Глава 4. Ход пешки

Церемония вручения дипломов началась как в тумане. Выпускники собрались в зале торжеств, украшенном цветами, звездами и пурпурными лентами. Погруженная в свои мысли, я не слушала прощальные речи наших преподавателей. В конце концов, я не слушала их даже во время обучения, с чего бы начинать это делать сейчас? Да и все эти слезливые фразы из разряда: мы будем скучать... вы были незабываемыми учениками, и все такое... вызывали у меня лишь зевоту, с которой я отчаянно боролась.

Конечно, меня первой вызвали на помост, чтобы вручить корочку с записью об окончании колледжа. Я приняла ее, даже не улыбнувшись старичку декану, чем вызывала его недоумение. Но ведь бумажка ничего не значит, главную ценность я получу позже.

Потому диплом я равнодушно сунула одному из своих верных прислужников, кажется, Архипу, велев сохранить в целостности и доставить в дом Вэйлингов. И даже не сомневаясь, что все будет исполнено в точности.

Дамир – бледный и молчаливый, непривычно неулыбчивый, – поднялся на помост, ни на кого не глядя, и так же ушел, забрав свою записку.

Я на него почти не смотрела. Внутри меня поднималось напряжение и предвкушение. Такое же, отголоски которого я видела на лицах остальных выпускников. Все мы ждали момента, когда церемония прощания с колледжем завершится, а в зал наконец войдет Высокая Комиссия. Те самые люди, которые по-настоящему решат наши судьбы. И которые дадут то, что имеет истинную ценность. Не чета глупым бумажкам!

Декан начал очередную речь, и я окончательно заскучала. Взгляд блуждал по лицам сокурсников. Еще немного – и мы с ними расстанемся навсегда! Меня ждет прекрасная жизнь в Аннонквирихе, а потом в одной из столиц Империи, а их... Собственно, мне совершенно наплевать, что ждет их!

– ...миротворцы – гордость и опора нашего общества, величайшее достижение в истории...

Позади меня кто-то из девушек шумно выдохнул.

– ... почти триста лет назад, во время конфликта в южных регионах, ряд исследователей Линий Духа провел первый эксперимент, ознаменовавший начало...

Один из парней негромко простонал то, о чем думали все:

– Да знаем мы все это! Сто раз слышали!

Но декан продолжал говорить, словно не замечая усиливающееся напряжение.

– ... в ходе которого особых людей обучали ощущать гармонию внутри себя, а после их отправляли в истерзанные войной регионы... Первые миротворцы, конечно, еще не имели панелей, но сохраняя мир внутри, они гармонизировали окружающее пространство. И военные конфликты шли на спад, количество пострадавших уменьшалось. Эксперимент был признан крайне удачным! Внутренняя гармония миротворцев влияла на окружающую реальность, уменьшала количество преступлений, конфликтов и бытовых раздоров. Попытки по дальнейшему использованию миротворцев продолжились... Первая Академия по обучению подобных людей была открыта на севере Империи, в городе Староград, это всем известная Аннонквирихе, действующая и поныне...

– Когда он закончит? – прошептали позади. – Как думаете, к нам приехал кто-то из Совершенных? Папа говорит, что в этом году точно кто-то из них...

Я тихо хмыкнула, не поворачивая головы. Я-то точно знала, что за гость ожидает в тайной комнате. К сожалению многих собравшихся, Касл еще не скоро посетят Совершенные. Не знаю почему, но мой отец-градоначальник никогда не приглашал тех, кто входит в пантеон.

Возможно, они напоминали ему о маме...

– Создание первых нейро-панелей вывело гармонизацию Духа на новый уровень...

– Да когда же уже!

Напряжение нарастало подобно температуре в вулкане. Новый вздох за спиной – уже громче. И словно эхо – череда выдохов, скрипов, стонов. Закипающая волна человеческих эмоций. Ожидание, готовое смениться нетерпением, внимание, перетекающее в скрытую агрессию. Шелест волны, предрекающий шторм.

– Зачем он говорит то, что все и так знают со школьной скамьи? Я сейчас взорвусь... – прошептал кто-то слева.

– Ну а сейчас, – глянул декан на говорившего поверх пенсне и чуть повысил голос, в котором скользнула очевидная насмешка. – С превеликой радостью я приглашаю на эту сцену наших дорогих гостей из Высокой Комиссии! И особенную гостью, которая в этот незабываемый день прибыла к нам из северной столицы, чтобы вручить нейро-панели нашим лучшим ученикам! Для всех нас большая честь принимать в стенах колледжа Катерину Вольц, Верховного Миротворца Империи!

Изумление и шок на лицах. И волна эмоций, ударившая каждого из нас, когда они провали плотину сдержанности и хлынули неконтролируемым потоком.

Катерина Вольц? Сама Катерина Вольц приехала из Неварграда?

Даже я стояла, широко распахнув глаза и делая вид, что жутко удивлена!

Хотя я единственная не только готовилась к этой встрече, но и ждала ее. А ведь отец ни словом не обмолвился о приезде его старой боевой подруги. Он скрыл это даже от меня, своей дочери. Но я давно уже не рассчитываю на то, что отец будет делиться со мной своими планами и потому вполне успешно строю свои!

Откинулась бархатная штора – и в зал церемоний, стуча тростью и тяжело подволакивая левую ногу, вошла знаменитая женщина. Такая же худая, темноглазая и седая, как и на картинах, изображающих ее. Знаменитый военный миротворец Империи. Известнее ее была лишь моя мать. Но мама теперь смотрит со стены нарисованным взглядом, а Катерина стоит здесь, пронзая выпускников колледжа орлиным взором.

Миг тишины – и зал взорвался. Ученики скандировали имя, едва удерживаясь от того, чтобы не начать швырять в воздух свои дипломы.

Наверное, только я встретила гостью недовольным взглядом, гадая, почему, обладая нейро-панелью, она выглядит как старуха и стучит клюкой.

Катерина Вольц кривовато улыбнулась и подняла правую руку. В луче света блеснула на запястье золотая полоска. Катерина выдохнула.

И я ощутила ЭТО. Эмоциональный поток, мощный настолько, что проникал в самую душу. Чистый и сильный поток, смывающий безумное напряжение этого дня, накопившуюся за годы учебы усталость, а еще – нетерпение и раздражение на слишком медлительного декана. Гнев и недовольство стекли с души, словно грязь и плесень, оставляя лишь чистый и блестящий холст.

– Бог мой... Это невероятно! – прошептала стоящая рядом Виола Гранис. Ее глаза были так широко раскрыты, словно она увидела божество. Конечно, мы все знали о силе миротворцев, но не каждому посчастливилось повстречать одного из самых сильных. И ощутить его влияние на себе.

Мы все чувствовали себя... обновленными. Свежими, словно омытыми изнутри. Воодушевленными. Счастливыми! И еще – спокойными. Волна, запущенная Катериной, начисто вымыла из души любую агрессию. На лицах расцвели улыбки, глаза радостно заблестели. Наш хитрый декан, намеренно затягивающий церемонию, чтобы пробудить в учениках раздражение и даже злость, выглядел особенно довольным.

Госпожа миротворец улыбнулась, и в ответ раздались оглушительные аплодисменты.

– Ну а теперь, когда мы с вами познакомились поближе, – чуть хрипловато произнесла она, и все рассмеялись, – давайте пригласим и остальных членов Комиссии. Ну и наконец приступим к вручению нейро-панелей, пока мне не пришлось начинать все заново и гасить эмоции слишком нетерпеливых учеников.

Выпускники снова рассмеялись. Я обернулась на тех, с кем долгое время делила учебные часы. Почти все смотрели на Катерину с обожанием и любовью. Конечно, это лишь побочный эффект запущенной нейро-волны, который пройдет довольно быстро. Но я не желала становиться ее рабом даже на несколько минут. И потому осторожно подняла руку и коснулась острого края булавки, приколотой к корсажу. И улыбнулась довольная – навязанное блаженное спокойствие схлынуло.

А когда повернула голову, наткнулась на внимательный вороний взгляд. Катерина Вольц смотрела прямо на меня. И этот взгляд мне совершенно не понравился.

– Поприветствуем гостей, оказавших нам сегодня честь... Генерал Ричард Вэйлинг!

Снова овации – и на помост поднимается мой отец. Я сжала ладони, как и все, любуясь этим мужчиной. Статный, красивый, с волевым лицом и безупречной военной выправкой. Седина и морщины на обветренных щеках лишь добавляли ему шарма. Неудивительно, что у папы всегда была целая толпа обожателей. Даже после того, как он женился второй раз.

– Начальник городской безопасности Джон Марчес... Главный Архивариус города Берта Арлинг... Профессор Людвиг Свен Джонсон... и наконец, достопочтимый Отец Города Серафим.

Один за другим на помост поднялись члены Комиссии. Замыкал священник в парадном золотом одеянии. У каждого на руке блестели браслеты – белые, в отличие от украшения Катерины. Их Силу мы не ощущали. Во-первых, не было нужды, а во-вторых, никто из поднявшихся не мог соперничать с Верховным Миротворцем Империи.

Даже странно, почему с такой Силой Катерина Вольц так и не достигла Совершенства? Может, все дело в ее ранении, говорят, ей чудом сохранили ногу...

– Приступим. – Похоже, сама Катерина тоже не любила долгие церемонии, чем вызвала у меня непроизвольную симпатию.

Для женщины поставили высокое кресло, но она его проигнорировала и осталась стоять, опираясь на трость.

– По итогам обучения и по решению Высокой Комиссии звание лучшего ученика колледжа и соответственно – усиленную нейро-панель, получает...

Декан, суетливо поправляя свои пенсне, протянул миротворцу конверт. Катерина открыла его и некоторое время смотрела на выведенное на бумаге имя.

В зале повисла тишина. Я ощутила, как холодная капля пота стекает от шеи к пояснице. Все знают, что миротворец может отменить любое решение преподавателей. На самом деле все, что имеет значение – это мнение Катерины. Одним своим словом она может изменить судьбу любого в этом зале. Назвать не то, что прочитала на листке, а ткнуть пальцем в ту же Ивону. Или в Архипа. В любого.

Ведь запущенная ею нейро-волна – это не просто способ утихомирить разнервничавшихся учеников. Это еще и проверка. Сильный Миротворец способен ощутить многое.

Но способен ли пойти против системы? Или старой дружбы?

Я не знала ответ.

Я сделала ставку на черное и надеялась, что сорву куш.

– Получает... – Катерина нахмурилась, и я ощутила панику.

Я не могла просчитаться. Не могла! Она назовет мое имя. Она должна назвать его!

Вороний взгляд скользнул по рядам застывших выпускников. По отстраненному Дамиру, который смотрел в пол, словно его не интересовало происходящее в этом зале. По напряженной как струна Джеме. По Архипу и Патрику.

И застыл на мне.

– Кассандра Вэйлинг, – бесцветно произнесла она.

Еще миг я стояла, все-таки не веря. Мне ведь не послышалось? Нет, не послышалось. Кто-то из верных почитателей начал скандировать мое имя и аплодировать. Надо запомнить, кто...

Высоко подняв голову и придерживая край пышной юбки, я двинулась к помосту. Но смотрела я не на Катерину Вольц, а на своего отца. Ловила расцветающую на его лице гордость.

Когда я протянула ладонь, а Верховный Миротворец щелкнула крышечкой маленького серого ящичка, все затаили дыхание. Внутри блеснуло золотое и белое – так ярко, что мне захотелось зажмуриться. Но я не стала. Я смотрела, не позволяя себе даже моргать.

– Принимаешь ли ты нейро-панель, Кассандра Вэйлинг, клянешься ли использовать ее лишь на благо человечества и во имя процветания нашей великой Империи? – сухо спросила старуха, доставая тонкую золотую полоску.

– Клянусь! – Голос все-таки предательски дрогнул. Надо было чаще тренироваться. И не соврала ведь! В конце концов, я тоже часть человечества и Империи.

– Что ж... Прими этот знак отличия и носи его с гордостью. Во имя Мира, Гармонии и Духа!

Отец Серафим поднял руки и улыбнулся, благословляя меня. А нейро-панель, чаще именуемая просто браслетом, легла на мое запястье и сомкнулась в кольцо. Кожу кольнуло, когда незримые нано-датчики погрузились в нее, проникая в мою ДНК. В мою сущность.

– Панель врастает в кожу, кости и нервную систему, – не глядя на меня, пояснила Катерина, как будто я могла этого не знать. – Не переживай, будет не больно.

Да даже если бы мне пришлось терпеть адские муки, я приняла бы их с радостью! Руку под браслетом защищало, пока датчики считывали мои параметры. Насколько я знала, это происходит довольно быстро. Первичная настройка занимает лишь несколько минут, а потом браслет всю жизнь адаптируется к изменениям тела, подстраиваясь под него.

Впрочем, с таким украшением эти изменения можно и вовсе остановить, оставшись молодой и семнадцатилетней на долгие годы. Я едва не рассмеялась в голос. Я ее получила. Получила! И никто, никто теперь ее не отнимет! Я – Миротворец! А это каста привилегированных. Каста избранных!

Кажется, я таранилась на свое запястье целую вечность, но на самом деле лишь пару мгновений. И, наверное, никто не заметил краткой заминки, а если и заметил, счел вполне нормальной в данной ситуации.

– Поздравляю. – Катерина протянула мне руку, и я ее пожала, любуясь видом двух браслетов, встретившихся при соединении ладоней.

Миротворец чуть придерживала мою, словно собираясь что-то сказать. Ее острый взгляд впился в мое лицо, словно штыковой нож. Она открыла рот... Но промолчала. Мотнула головой и отступила. Ее место тут же занял мой отец. Я посмотрела на его руку, которую он мне протянул.

– Поздравляю, Кассандра, – звучно произнес он. – Поздравляю и... горжусь.

На миг почудилось, что он меня обнимет, но... конечно же нет. Лишь пожал ладонь и отступил, давая место следующему члену Комиссии.

Еще несколько позятий, и я отошла в сторону – ждать окончания церемонии награждения, а наверх по ступеням устремился Дамир – за своим белым браслетом.

Один за другим отличившиеся выпускники выстраивались на помосте. Всего шесть человек – лучшие из лучших. Гордость выпуска. Те, кто станут сегодня желанными гостями во всех ресторанах Касла, а позже – во всей Империи.

Джема Ржаник тоже стояла здесь и с глупым восторгом таранилась на свой белый браслет. Я скривилась и отвернулась, чтобы ее не видеть. Архип, кажется, собирался свалиться в

обморок, и Патрик что-то гудел рядом, подбадривая друга. Рядом топталась крошечная веснушчатая девушка, то ли Милена, то ли Мадлена. Я вечно забывала ее имя, хотя она и входила в мой личный круг приближенных: таскала кофе или приносила из архива книги, когда было лень за ними спускаться.

Серый ящичек опустел, все нейро-панели нашли своих владельцев. И зал снова утонул в аплодисментах. На этот раз хлопала даже я, с удивлением прислушиваясь к ощущениям в руке. Они стихали. Даже внутренняя щеколка, потряхивающая меня в первые минуты, стала едва уловимой. Сейчас я почти ничего не чувствовала, так что приходилось снова и снова осматривать запястье, чтобы убедиться, что браслет по-прежнему там.

Остальные выглядели еще более озадаченными и взволнованными, Ржаник откровенно плакала, едва не целуя обретенный браслет.

Я фыркнула, глянув на нее, и отвернулась. Простолюдины не умеют держать лицо. Вечно у них все чувства напоказ... Гадость!

Мне вот, может, тоже хочется причитать или таращиться на свою панель, подобно глупому Архипу, но я ведь этого не делаю! Стою спокойно и гордо, позволяю зрителям восхищаться и рукоплескать. Кто-то же должен подавать пример!

Помимо меня, только Дамир сохранял выдержку. Хотя он выглядел даже более отстраненным, чем было нужно. Словно все происходящее не имело для парня никакого значения. Даже на белую полосу, охватившую его запястье, он глянул лишь раз и больше не поднимал руку. Зато несколько раз вытащил сотовый и посмотрел на загорающийся экран – довольно вызывающе, кстати. А если учесть, что стоял он на противоположном краю сцены, подальше от меня, то наша пара вызывала множество вопросительных взглядов и шепотков.

Но я лишь вскинула голову. Меня уже не интересовало мнение бывших сокурсников. Они все уже остались в прошлом. Те, кто получил браслет, еще имели значение, потому что, как и я, поступят в Академию и там могут мне пригодиться, по крайней мере – в первое время, пока не освоюсь и не обрету новую свиту. А вот все остальные... ненужная больше массовка!

Но королева остается королевой до конца, поэтому я стояла и улыбалась, принимая восторженные поздравления.

К счастью, длилось это недолго. Еще пара цветистых фраз от декана, пафосное выступление архивариуса и напутственная речь отца Серафима, которая должна была завершить награждение. Все его изречения мы тоже слышали многократно – и на городских праздниках, и во время церковных бдений. Я никогда не была истово верующей, да и отец, к счастью, не настаивал на том, чтобы я ею стала. Иногда мы все-таки посещали службу, и в такие дни я радовалась, что длинные волосы и скромный платок удачно маскируют наушники в ушах, позволяя мне слушать какой-нибудь занятный и очень фривольный романчик, стоя напротив святого отца. Почему-то с каждым разом истории для прослушивания я выбирала все более откровенные, испытывая странное удовольствие от того, что нарушаю порядок этого святого места!

Вот и сейчас я едва не рассмеялась, когда отец Серафим начал свою речь. Подумала, что просто не умею слушать все эти изречения без очередной горячей сцены в моих ушах.

Но договорить священник не успел. Едва он вышел в центр, как у начальника городской безопасности затрещала на боку рация.

– Прием... прием! – донесся искаженный голос, и усатый Джон Марчес, который частенько заходил к отцу по субботам, чтобы поиграть в гольф или распить двенадцатилетний виски, удивленно глянул на говорящую коробку. Так, словно не верил, что у нее вообще есть такая способность.

– Прием-прием! Обнаружение разрушителя! Внимание, обнаружение разрушителя! Уровень ноль-один. Уровень ноль-один!

По рядам выпускников прокатилась волна тревоги. Хотя с чего бы? Уровень ноль-один – это даже не сила, а так, лишь избыточное скопление низкой вибрации. Просто один из нейро-

датчиков, установленных в городе, зафиксировал повышение низкочастотного фона. Да, это больше, чем просто недовольный покупкой горожанин или скандалящая на мужа жена. Это вибрация, попавшая на шкалу опасности. Но ведь это всего лишь ноль-один! Ерунда.

Похоже, такие же мысли посетили остальных, потому что выпускники расслабились, а Джон Марчес важно поднес рацию к лицу и нажал кнопку.

– Прием-прием, – прогудел он. – Старшина, что у вас? Зафиксировано какое-то преступление?

– Никак нет! – звонко отозвались с другого конца эфира. – Но городская система поймала превышение допустимого уровня низких вибраций в районе Аллеи цветущих вишен! В здании чайной «Клевер и роза».

Я презрительно фыркнула, едва удержавшись от «Ну я же говорила». Хотя понятно, что все свои умозаключения я оставила при себе.

Упомянутая Аллея сегодня стала местом паломничества для выпускников всего города. Среди цветущих деревьев расположились десятки уютных кафе, дорогих или не очень ресторанов, и традиционно в этот день туда устремляются все, кто с успехом добрался до финала своего обучения. И неважно где – в какой-нибудь дурацкой школе библиотекарей или вот коллежде будущих миротворцев. Столпотворение всегда вызывает повышение вибрационного фона. Правда, обычно это фон со знаком плюс. Что говорит о том, что толпа испытывает радость и удовольствие. Минус, то есть низкочастотные вибрации, обычно возникает при массовых драках или других конфликтах. Но раз происшествие не зафиксировано, а фон понижается... да, это говорит о разрушителе. Весьма слабом, но все же.

А разрушитель – это опасность, которую надо предотвратить. Даже если у него почти безобидный уровень ноль-один.

Марчес снова нажал на кнопку.

– Пошлите туда миротворца, старшина, вы знаете порядок. Пусть проверит. Чья сейчас смена?

– Амалии Донован. Но вчера она попала в госпиталь, сэр! Сломала ногу, сэр!

– Так вызовите другого специалиста! Где О-Рейли? – несколько раздраженно рявкнул Марчес, покосившись на моего отца, который слегка нахмурился. И Катерину Вольц, с интересом слушающую разговор. Впрочем, сейчас этот диалог с любопытством впитывал весь зал, отчего начальник городской безопасности медленно багровел.

– На участке А-4, – бодро отрапортовала рация. – В области! Два часа до города!

Кто-то из выпускников рассмеялся.

Катерина Вольц покачала головой.

– Я могу заглянуть, если есть опасность...

– Никакой опасности! – рявкнул Марчес так, что Катерина едва не подпрыгнула. Выдохнув и вытерев испарину со лба, начальник безопасности растянул рот в улыбке. Прокол перед гостьей из северной столицы мог дорого ему обойтись. Ну а допустить, чтобы эта самая гостья выполняла обязанности его подчинённых... Ох, об этом и подумать было страшно!

– В этом нет ничего сложного, – успокаивающе улыбнулась Катерина. – Я понимаю, что Нью-Касл – маленький городок, у вас каждый миротворец на счету.

– Все под контролем, – снова гаркнул Марчес. – Это всего лишь ноль-один! Вам совершенно не стоит беспокоиться, госпожа Верховный миротворец! Никаких проблем!

– Если этот ноль-один не динамический, – все с той же улыбкой произнесла Вольц. – И не вздумает неожиданно начать увеличиваться.

– Такого не происходило уже семьдесят лет, госпожа, так что давайте не будем пороть горячку и разводить панику... Специалист уже выезжает...

– Ему ехать как минимум два часа, – буркнула в стороне архивариус.

– Но у вас есть специалисты! – вдруг раздался позади звонкий голос и все с удивлением повернули головы. Джема Ржаник шагнула вперед. Ее темные глаза лихорадочно блеснули.

– А ведь и правда, – оживился декан. Сдернул пенсне на кончик носа, осмотрел выпускников, стоящих на сцене. – Господин Марчес, так вот же они – новоявленные специалисты!

– Всего лишь ученики! – проворчал начальник безопасности.

– Не скажите! – живо возразил декан, желая блеснуть перед высокой гостьей из столицы. – Вот, к примеру, Джема Ржаник! Выдающиеся способности к нейро-волне! Удивительный талант! Она в два счета погасит этого вашего ноль-один! Или, к примеру, Дамир Норингтон...

– Кассандра Вэйлинг! – почти выкрикнула Джема, шагая еще ближе. – Кассандра Вэйлинг должна сделать это! Как лучшая ученица выпуска, получившая золотой браслет! Продемонстрировать... блистательные навыки! Мы ведь не можем отказать ей в такой чести, правда, господин декан?

Джема в упор посмотрела на Катерину Вольц. Та перевела задумчивый взгляд с разгоряченной девушки на меня.

Я ощутила холодок, ползущий по спине. Нет-нет, что за бред? Я не буду этого делать! Чёрт, почему я не утопила проклятую Ржаник в пруду, когда нам было по восемь лет?

Все головы в зале повернулись ко мне, и все взгляды впелись в мое лицо. Но я видела лишь глаза отца. Испытывающие. Внимательные.

Проклятье!

Мне удалось продемонстрировать невозмутимую улыбку.

– Мне, конечно, не сложно, но все же подобным должен заниматься обученный специалист...

– Так ты и есть обученный специалист, Кассандра! – радостно оборвала Джема. – Лучший из лучших, не так ли? Тебе не составит труда погасить низкую вибрацию начального уровня. Ты ведь не просто так получила золотой браслет?

Отец нахмурился. Я увидела это краем глаза и представила в красках, как задушу Джему подушкой.

– Конечно, – даже не дрогнул мой голос. Я могла бы собой гордиться, если бы мой разум не метался в ужасе, ища выход.

– Мисс Вэйлинг? – Джон Марчес поднял косматые брови.

Кто в зале выкрикнул: «Кассандра – королева! Кассандра – вперед!» Кто-то поддержал. Кто-то зааплодировал. И мне не осталось ничего, кроме как улыбнуться и гордо кивнуть. Да, я сделаю это. Да, я не зря получила свой знак отличия. Да, я его заслужила.

К сцене удушения Ржаник добавилось массовое убийство всех в этом зале.

– Конечно, – невозмутимо произнесла я. – Никаких проблем.

– Думаю, это отличная мысль, Джон, – кивнул мой отец. – Отвези Кассандру к месту выброса. Она дочь своей матери, она все сделает в лучшем виде.

Меня провожали овациями. Я улыбалась. Так старательно, что заболело лицо. Спину жег торжествующий взгляд Джемы Ржаник, которая все-таки сумела подставить мне подножку. А ведь я считала ее слишком трусливой, и что уж говорить – благородной для того, чтобы сделать это.

Но пешка, которую я уже скинула со счетов, сделала ход и повергла королеву.

Впервые я так катастрофически, так позорно просчиталась.

Глава 5. Ноль-один

Пока начальник безопасности вез меня к вишневой Аллее, мой разум метался, лихорадочно пытаюсь найти выход.

Что, что сделать, чтобы исправить катастрофу, в которую я угодила?

Упасть в обморок? Изобразить сердечный приступ? Запугать Джона Марчеса?

Я с сомнением покосилась на затылок сидящего впереди мужчины. Разум испуганно тасовал факты о нем в бесплодной попытке найти козырь.

Что я знаю об этом человеке? Любит крепкий виски и дорогие сигары, которыми угощает его мой отец. Есть семья – сварливая мисс Эмма и взрослый сын, давно живущий в западной столице. Пару раз в месяц Джон посещает дом мужских удовольствий, о чем я узнала из подслушанных разговоров.

Я встрепелась. Может, использовать этот факт? Намекнуть, что могу рассказать об измене его жене?

Я снова посмотрела на бритый, в складочку, затылок и скисла. Можно подумать, склочная мисс Эмма не догадывается о похождениях муженька. А даже если не знает, вряд ли правда хоть что-нибудь изменит.

Проблема в том, что из проблемы нет выхода. Что бы я ни сделала, я останусь в проигрыше. Конечно, если я залью слезами эту машину и самого господина Марчеса, он отпустит меня и даже вступится перед отцом. И это станет моей плахой. Генерал Ричард Вэйлинг никогда не забудет моей слабости. Ее не забудет никто в этом городе. Кассандра Вэйлинг останется в памяти Нью-Касла не королевой с золотым браслетом, а жалкой неудачницей. Глупой слабачкой, которая сплеховала и не сумела нейтрализовать жалкий ноль-один.

Я стану посмешищем.

Спина заледенела от ужаса. Стоило лишь представить ухмыляющихся бывших сокурсников и просто знакомых. Насмешку в их глазах и презрение на лице отца.

«Она испугалась, представляете? – с хохотом будут повторять все эти люди на каждом празднике и каждом сборище. – Рыдала, как девчонка, умоляя Марчеса ее отпустить. А там всего лишь ноль-один! Да может, и не было никакого разрушителя, ложная тревога. Случается... А она... А ведь дочь Несравненной Аманды! Далеко укатилось это яблочко от яблони...»

И ухмылки, ухмылки, ухмылки – со всех сторон!

– Это недопустимо, – деревянным от паники языком произнесла я.

– Ты что-то сказала, Кэс? – Марчес повернулся ко мне. – Эй, дочка, ты побледнела. Все в порядке?

– В полном, господин Марчес.

– Признаться, мне все еще не слишком нравится эта идея...

– Все в полном порядке, – твердо повторила я, понимая, что выхода нет. – Я справлюсь, не беспокойтесь. Никаких сомнений.

Начальник безопасности подергал свои усы.

– Ну ладно. Я с тобой не пойду, если там и правда ноль-один, мой вид может его испугать. Лучше, чтобы все было тихо. Ты ведь знаешь, что надо делать?

– Конечно, господин Марчес, – сказала я и сама поразилась тому, как уверенно звучит мой голос.

– Ближко не подходи. – Мужчина выглядел слегка обеспокоенным. – Просто присядь в уголке, определи источник выброса и спокойноенько нейтрализуй его нейро-волной. Не пугай его и не провоцируй. Улыбайся и веди себя естественно. Поняла?

– Вам совершенно не о чем беспокоиться.

– Что ж... приехали.

«Уже?» – чуть не заорала я.

За окном автомобиля расстилалась Вишневая Аллея. Волна бело-розовых лепестков катилась по тротуару, осыпалась на плечи прохожих и разлеталась от порывов ветерка. У фонтанов смеялись люди. На скамейках обнимались влюбленные. Чайная «Клевер и роза» гостеприимно распахнула двери, приглашая отведать душистый напиток и сладости.

– Никаких проблем, – сказала насмерть перепуганная королева и полезла из машины наружу.

– Осторожно там, – пробормотал Марчес. – Если что, сразу выходи. Вызовем Амалию, угораздило же ее ногу сломать... А я пока попытаюсь найти О-Рейли, пусть поторопится...

Не слушая причитания мужчины, я двинулась к ступеням и вошла внутрь. Чайная оказалась небольшой и довольно скромной, мне не доводилось бывать в подобных. Пить благородный напиток я предпочитала в трехэтажной пагоде на Площади Свершений, где чай приносили в расписных пиалах, а крошечные, с ноготок, печенья на золоченых подносах.

Внутри «Клевера и розы» царил полумрак. Небольшие окна, завешенные розовым тюлем, пропускали мало света, и потому я пару мгновений моргала, привыкая. Постояла на пороге, но никто не подошел, чтобы проводить меня. И поняв, что в подобных заведениях надо самостоятельно искать себе место, я неуверенно двинулась мимо столиков. Их было не слишком много, некоторые огорожены бамбуковыми ширмами с неумело нарисованными павлинами. Я нашла свободный столик в углу и села так, чтобы видеть зал.

Мальчишка-официант окинул меня удивленным взглядом и не спрашивая поставил передо мной широкую чашку и маленький чайничек с распускающимся внутри засушенным бутонем и какой-то травой. Видимо, те самые клевер и роза.

– Печенье-пирожные будете? – выпалил он, с изумлением и восторгом рассматривая мои розовые волосы и серьги-гроздьи.

Я слотнула, ощутив неуместность своего наряда в подобном месте. И порадовалась, что здесь не слишком светло.

– Так что, тащить-то? – поторопил парнишка.

– Нет, – буркнула я. – Я буду только чай.

Еще не хватало отравиться прокисшей выпечкой!

Официант пожал плечами и убежал на кухню.

Чтобы чем-то занять руки и сосредоточиться, я обхватила ладонями чашку.

«Соберись, Кассандра – строго приказала себе. – Да, ты всегда была плохой ученицей и нашла применение наушникам не только во время скучных церковных служб, но и в часы не менее скучных лекций. Но хоть что-то ты должна знать! Нейтрализация разрушительного выброса – это ведь основа основ! Да и вообще... может, этот ноль-один сам как-нибудь нейтрализуется!»

Я приободрилась от этих мыслей. Такое действительно случалось в большинство случаев. Краткое увеличение разрушительной энергии развеивалось само по себе, а человек, испустивший ее, становился нейтральным и больше не представлял опасности.

Так что буду надеяться на такой исход, а пока надо попытаться найти того самого ноль-один.

Самое плохое, что по внешнему виду никогда нельзя понять, кто именно стал источником разрушительного выплеска. Это может быть женщина или мужчина, старик или юноша. Верно лишь одно – на этом человеке есть нейро-панель. История Империи знает примеры деспотов и тиранов, но сейчас можно лишь порадоваться, что все они жили до создания таких усилителей, как браслет. Все, кроме одного – того, кто сократил число столиц с четырех до трех, лишив нас южной.

Но тот разрушитель давно в прошлом, и именно из-за него сейчас во всех городах стоят многочисленные датчики, отслеживающие скопление низких частот.

Даже если и появляется опасность, ее нейтрализуют так быстро, что низкие частоты не успевают причинить вред.

Нейтрализуют не физически, конечно, в Империи давно запрещена физическая расправа даже над преступниками. А разрушитель может и вовсе не знать о своей особенности. Ведь умение концентрировать низкие частоты не зависит ни от характера, ни от внешности, а иногда даже и от желания такого человека.

Нервничая, я отхлебнула чай и скривилась от запаха сена. Но, как ни странно, дурной вкус дешевого напитка помог мне собраться и прочистил разум. Думай, Кассандра! Ты всегда это умела, так начинай!

Я осмотрелась.

За соседним столиком восседали три старушки в шляпках, кружевных перчатках и старомодных бархатных нарядах, попивали чай и лакомились кремовыми пирожными.

За ними вместе со стариком-наставником расположились послушницы из духовной семинарии. Все в строгих, закрытых под горло длиннополых платьях-сутанах, с волосами, убранными у висков и распущенными сзади. Кто-то говорил мне, что они не стригут пряди до самого посвящения в монахини, а во время обета обрезают почти под корень. Мой взгляд зацепился за волосы девушки, сидящей ко мне спиной, рядом со стариком. На миг даже кольнуло завистливое восхищение – таких гладких, зеркальных, роскошных черных волос я не видела ни у кого. Словно драгоценный шелк, они стекали по спине до самого пояса послушницы. Две другие – сидящие ко мне лицом, выглядели гораздо скромнее, хотя тоже обладали длинными гривами. Одна – тоже черной, вторая – пего-русой.

На столе перед ними стоял одинокий чайник и четыре глиняные чашки. Ни пирожных, ни печенья послушницы не заказали. Может, сладкое у них тоже считается грехом?

Я усмехнулась и перевела взгляд к следующему столику. И напряглась. Там, ссутулившись и пряча лицо в провале капюшона, сидел мужчина. Рассмотреть больше мне не удалось, потому что он явно не желал себя показывать. Короткие толстые пальцы отбивали нервную дробь по столешнице, пока он ждал свой заказ. Рядом с чашкой валялась пачка сигарет и дешевая зажигалка. Нервный тип дернулся, когда мальчишка-официант бухнул перед ним тарелку с перчеными сухариками, и я возликовала. Усиливающееся беспокойство – один из возможных признаков источника разрушения! Это он!

Жаль только, не видно его нейро-панель, на мужике объемная серая куртка.

С трудом оторвав взгляд от объекта, я осмотрела два оставшихся столика. Один, к счастью, пустовал. Второй занимали выпускники архитектурного колледжа. На нашивках коричневых курток красовались изображения карандаша и гвоздя.

Я снова оглядела зал, пытаясь увидеть, у кого из подозреваемых есть панель. Увы, она могла оказаться у любого. Изначально панель создавали для миротворцев, желая прекратить бесконечные внутренние и внешние войны, раздирающие Империю. Вооруженные конфликты вели лишь к новым конфликтам, человечество слишком быстро приближалось к краху. Но уже первые панели дали поразительные результаты. Действие усилителей оказалось столь удивительным, что вскоре права получать браслеты добились и представители иных доменов. Часто – творческих, таких, как, например, архитекторы. Браслет давал им невероятные возможности работы с материалом и усиливал созидательные и креативные способности.

Одна из безобидных старушек тоже могла иметь на руке усилитель, но вряд ли была разрушителем. Сомнительно, что низкочастотный импульс ждал годами, чтобы проявиться. Обычно это происходит в первые дни после установки браслета. Панель просто концентрирует то, к чему и так был способен человек. А значит, это кто-то молодой. Вероятнее всего – тип в капюшоне. Но может оказаться и кто-то из будущих архитекторов.

Выходит, мне остается лишь наблюдать.

Конечно, можно сделать еще кое-что. Запустить нейро-волну, чтобы прощупать людей, как это сделала Катерина Вольц. Если бы не одно гадкое, отвратительное, ужасающее «но». «Но», благодаря которому я оказалась здесь, а пешка Джема сумела свалить королеву. Увы, проклятая Ржаник знала мой грязный секрет.

Я не умела направлять нейро-волну. Я – не моя мать.

Я не только дурная ученица, но и очень, очень хреновый миротворец. И золотой браслет я собиралась использовать лишь для получения хорошей жизни, а вовсе не на благо других людей!

Забывшись, я снова глотнула чая и снова скривилась от противного вкуса.

Так что все, что мне остается – наблюдать и думать. А потом искать способ, как выйти сухой из этой гадкой вонючей лужи!

Выпускники-чертежники загоготали, обсуждая какую-то девицу так громко, что было слышно даже мне. Старушки слаженно поджали напوماженные губы, укоризненно глядя на виновников шума. Мальчишка-официант неловко схватил полную кружку, и чай выплеснулся через край, пачкая его фартук. Выглянувший из-за стойки повар в огромном и не слишком чистом колпаке кинул на паренька раздраженный взгляд.

– Стив, у тебя руки, что ли, кривые! Смотри, что берешь! – рявкнул он.

Официант пробурчал ответ, неловко повернулся, сделал два шага и уронил чашку. Та треснула со звоном, осколки и горячие капли полетели на типа в капюшоне. Тот вскочил и обложил несчастного мальчишку ругательствами.

– Да я не нарочно! – оправдываясь, лепетал несчастный Стив. – Она сама!

– Идиот! – брызгая слюной, орал тот, кого я уже записала в разрушители. Капюшон сполз, показывая молодое и некрасивое лицо с внушительным фингалом под глазом.

Так вот почему он его прятал! Не хотел светить синяком...

– Ты мне всю спину изгваздал, сученыш! Кто за прачку платить будет? – Тип сдернул куртку, и я замерла. На толстых руках с темной порослью волос браслета не было. Лишь грязная футболка с короткими рукавами.

Это не он.

Не разрушитель.

Но тогда кто?

Ведь все признаки налицо! Низкочастотный выброс провоцирует у окружающих людей немотивированную агрессию и тревогу. Одним своим присутствием разрушитель может вызвать панику, истерику или массовую драку. А еще – повреждения. Например – разбитые чашки или...

Приоткрытая оконная створка хлопнула безо всякого сквозняка, и стекло, жалобно звякнув, едва удержалось в раме. Девушки-послушницы испуганно вздрогнули и слаженно осенили головы святыми знаками. Их наставник – святой отец – забормотал что-то успокаивающее, венчик легких волос на его плешивой голове закачался, словно одуванчик под ветром.

Старушки испуганно подпрыгнули. Одна из них уронила ложечку, вторая угодила рукой прямоком в пирожное, испачкавшись в креме.

Архитекторы снова загоготали.

«Неловкие движения у окружающих, частичная потеря ориентации в пространстве. Агрессия. Желание говорить гадости или громко смеяться. Желание обсуждать других, сплетничать. Желание крушить и разбивать...»

– Эй, ты, а что у вас есть покрепче чая? – заорал один из архитекторов.

«Желание принять алкоголь или иной стимулятор, – словно скоростной поезд неслись мысли в моей голове. Все-таки кое-что учителя сумели в меня вложить. – Желание... иных удовольствий. Похоть. Яркое, неконтролируемое вождение...»

Странно, разве последний признак возникает не на стадии разрушителя 2-3 или 3-4?
Или все происходящее лишь совпадение, и я вижу признаки, которых нет?

Или что-то путаю?

Черт, Кассандра, ну почему ты не могла внимательно дослушать хоть одну лекцию!

Стуча каблучками, в чайную влетела растрепанная девушка. И нервный тип, вскочив, швырнул на стол мятую банкноту и схватил ее за руку.

– Ну наконец-то, сколько можно тебя ждать! Идем скорее, я уже не могу, так хочу тебя...

Остаток фразы я не услышала, зато его услышал мальчишка-официант. Покраснев до кончиков ушей, он споткнулся и уронил поднос. Багрово-красный вишневым морс плеснул прямоком на спину послушницы, сидящей рядом со священником. Той самой, с невероятными волосами.

Она вскочила, и оказалось... что это он.

Парень.

И как я не заметила, что под платьем-сутаной имеются штаны и сапоги, а плечи слишком широки для девицы... Луч света позолотил абрис лица, и я сглотнула сухим горлом. Поднесла к губам чашку и залпом допила весь оставшийся чай, не чувствуя вкуса.

Внутри меня развернулась бездна. Я ощутила ее бесконечность, ее тьму. Ее неизбежность. Ее дикую невыносимую притягательность. Ее притяжение. Черная дыра, поглощающая свет и уничтожающая любое сопротивление. Проклятая Сила, тянущая на самое дно в неизвестность.

Парню в сутане священнослужителя на вид было лет девятнадцать. И у этого молодого мужчины была внешность, которая совершенно не сочеталась со строгой закрытой сутаной. Это казалось даже возмутительным. Таким неправильным. Вот у святого отца внешность была подобающая, глядя на кругленького старика, хотелось думать о благодати и подавать монетки нищим.

А глядя на парня с черным шелком вместо волос, каждая встречающая женщина думала о чем угодно, но только не о благодати и целомудрии.

Глядя на него, каждая слышала волчий вой и пронзительную песню диких горцев, идущих на войну. Ощущала дым костров и вкус самого хмельного, самого сладкого вина. Каждая встречающая думала о смятых в страсти простынях и хриплых столах, улетающих прямоком к звездам.

Глядя в это лицо, каждая встречающая думала о грехе.

Потому что у парня было лицо падшего ангела, непонятно как оказавшегося на земле. Луч света скользнул по высоким острым скулам, по твердому подбородку, по чувственным губам. Поднялся выше и погладил бледную кожу и черные ресницы, такие длинные, что это казалось преступлением. А потом растворился в темных как ночь глазах, и я ему позавидовала. Гребанному солнечному лучу.

– Осторожнее, не поранься, – сказал падший ангел, помогая официанту собирать осколки разбитой чашки.

– Простите, – едва не плача, заскулил тот, – сам не знаю, что со мной сегодня творится! Споткнулся на ровном месте!

– Не переживай. Мне просто надо почистить мою праздничную сутану, – спокойно ответил парень-послушник. Гибко выпрямился и ушел в боковой коридор.

Я проводила его взглядом. Святой отец что-то успокаивающе залепетал, девушки-послушницы склонили друг к другу головы, перешептываясь. Архитекторы захохотали, стуча раскрытыми ладонями по коленкам. Старушки на что-то жаловались. Нервный тип исчез вместе со своей опоздавшей пассией.

Я посмотрела в пустую кружку. По шершавому глиняному боку медленно расползлась трещинка.

Сорвавшись с места, я подскочила к раскрасневшимся студентам-чертежникам и схватила за руку одного из них – курчавого, синеглазого и веселого. Дернула рукав куртки.

– Эй, ты что это делаешь? – изумился он.

– Ого, вот это красotka! – присвистнули другие. – Да еще и сама пришла... Будешь моей девушкой?

– Руки, живо! – рявкнула я. Внутри что-то дрожало. Та самая неизбежность, проклятая черная дыра. Я самый хреновый на свете миротворец, но кое-какие способности у меня все-таки есть. И усилитель подстегнул их, давая понять, что все плохо.

Очень плохо.

Руки парня оказались чистыми. Ну, если не считать следов чернил на пальцах.

– Панель! У кого из вас нейро-панель?

Студенты переглянулись.

– Шутишь? Куда нам. Мы не самые талантливые ученики, едва дотянули до выпуска, какая там панель... Так ты пойдешь со мной на танцы? Возьмем выпивку...

– Заткнись, Люк, – прошипел смельчаку тот, кого я успела осмотреть. – Ты что, не видишь ее запястье? Золотой браслет. Она – миротворец...

Я отбивная.

– Убирайтесь отсюда, – помертвевшим голосом произнесла я. – Выведите остальных и убирайтесь. Сейчас же!

И оставив позади ничего не понимающих парней, понеслась в темный коридор, где находились подсобные помещения, кухня и уборные.

И разрушитель.

Моя бедовая голова все-таки вспомнила, что священнослужители тоже могут получать нейро-панели. За выдающиеся заслуги в виде тотальной набожности и невыносимого благочестия.

Глава 6. Рождение разрушителя

«Не пугать, не злить, не провоцировать», – вспомнила я напутствие господина Марчеса, стоя перед узкой дверью в уборную. На миг возникло искушение уйти и броситься с повинной к начальнику городской безопасности. Но я тут же отбросила эту мысль. Я не могу облажаться.

В конце концов – на мне золотой браслет! Мне надо просто оказаться в непосредственной близости от разрушителя и запустить волну. С таким усилителем даже моих жалких способностей хватит для нейтрализации.

Надо просто подойти ближе. Поговорить. Успокоить. Все просто, Кассандра.

Почему-то мысль о парне за дверью вызывала внутри горячую дрожь.

Толкнув створку, я оказалась в небольшом помещении, к счастью, чистом. Закрытые кабинки отделяла ширма. Парень с лицом грешного ангела стоял у раковины, смывая пятно с ткани сутаны. Он остался в штанах и белой рубашке с воротником-стойкой. И глядя на его спину и плечи, я поразилась, что могла принять его за девушку. Хотя с его худобой неудивительно, что я ошиблась... Худой, гибкий, высокий. Слишком красивый.

Он обернулся через плечо, услышав стук, и темные глаза удивленно расширились.

– Это мужская уборная, – негромко произнес он. Бархатный голос погладил меня изнутри.

– Другая закрыта, – соврала я, не моргнув глазом, и сделала шаг к парню.

Снятая сутана висела на его левой руке, так что я все еще не видела запястье. А если я ошиблась? Вдруг разрушитель – одна из послушниц? Или все-таки – он? Почему-то я не могла просто подойти и осмотреть его, как сделала с архитектором. Будущий священнослужитель вызывал во мне странные эмоции. В том числе и несвойственную мне робость.

– На самом деле я просто хотела помыть руки, – притиснулась я ближе и встала возле длинной раковины, открыв второй кран. – Ты не против?

Парень пожал плечами и повернул голову. Наши взгляды встретились в зеркальной глубине. И я увидела, как расширились его зрачки, еще сильнее затемняя кофейные радужки. С трудом оторвав взгляд, я посмотрела на его сутану.

– Сильно испачкал? Я видела, как тебя облили.

– Это всего лишь морс.

– Угу. – Я помолчала, лихорадочно придумывая тему для разговора. – Выглядит такой тяжелой. Это парадная, да? Красивый узор на подоле... Вы всегда в них ходите? В этих сутанах?

– Снимаем только перед разговором с розоволосыми незнакомками в мужских уборных, – серьезно ответил парень, и я широко распахнула глаза.

Его губы дрогнули. А потом он хмыкнул. Совершенно по-человечески!

– Эй, ты что, смеешься надо мной? – возмутилась я.

– Немного. Знаешь, мне не каждый день выдаются такие встречи. Неожиданные.

Да уж, мне тоже. С утра ничто не предвещало разрушителя. Но я по-прежнему не вижу его запястье!

– По правде, я редко разговариваю с... девушками.

– Ну раз мы оба все-таки здесь... Кассандра! – Я протянула руку, благоразумно решив умолчать о слишком известной в городе фамилии.

Парень с удивлением опустил взгляд на мою ладонь. Черные ресницы дрогнули. А потом аккуратно пристроил сутану на край раковины и протянул свою руку. Длинные пальцы обхватили мои, согревая. Два браслета матово блеснули в свете ламп. Мой – золотой, и его – белый.

Все-таки он.

– Август, – серьезно сказал разрушитель.

– В честь святого Августа Великомученика? – слабым голосом произнесла я.

– В честь месяца моего второго рождения, – все так же серьезно оповестил парень. И улыбнулся, поняв, что я тарашусь на него. – Ладно, в честь святого тоже, ты угадала.

Разомкнул пальцы, и я ощутила желание снова взять его за руку.

– Второго рождения? Это как?

– Когда мне было восемь, я попал под завал в горах. Прележал под камнями несколько суток, родные не надеялись увидеть меня живым. А я вот все-таки выжил. Святой отец из нашей церкви назвал это чудом и божественной милостью. И велел родителям отдать меня в семинарию. Так что тот день я отмечаю, как второй день рождения.

Он мягко улыбнулся, и я на некоторое время застыла, рассматривая его лицо.

– Ты странно на меня смотришь, – отметил парень, заметно смутившись.

– Просто мне еще не доводилось говорить с такими, как ты. Наверное, это сложно? Жить в семинарии?

– Совсем нет. По правде, я люблю это место даже больше, чем родной дом. К тому же, моя сестра решила последовать за мной и поступила в иконописную школу. Мы часто видимся.

Август уважительно кивнул на мой браслет.

– А ты поступаешь в Академию Миротворцев?

Отправляюсь в ад. Прямо сейчас. Какая мне к чертям Академия?

– Точно... А ты? Не знала, что парни в сутанах тоже получают нейро-панели.

– Лишь некоторые из них, – снова дрогнули его губы. – Мне очень повезло. Уже второй раз.

Почему-то ужасно хотелось еще раз увидеть его улыбку. Но, похоже, Август был к ним не слишком склонен.

– Я собираюсь нести слово божье на границе, мне понадобятся особые силы.

– Граница? Ты сейчас что же, говоришь о границе с южными землями? С Равилоном?

– Равилона больше не существует, Кассандра, – негромко сказал Август. – Но да. На границе с тем, что от него осталось.

– Ты сдурел? – ахнула я.

И прикусила язык. Держи себя в руках, Кассандра! Да, я впервые вижу идиота, готового отдать свою жизнь на то, чтобы проповедовать в проклятых землях, где живут лишь отбросы общества, преступники, отщепенцы и... деструкты. Я слышала от отца, что распределение к границам разрушенного Равилона считается худшим наказанием среди солдат. Туда попадают в основном буйные дебоширы и злостные нарушители правил, которых не смогла исправить даже армейская дисциплина. А дальше... естественный отбор. Либо выживут, либо нет. Как повезет.

Чаще – нет.

– Но там же полно... чудовищ! – снова не сдержалась я.

– Там тоже живут люди, Кассандра.

Август отвернулся и стал снова чистить свою сутану. Зеркало тихо звякнуло, сверху откололся кусочек. Я сглотнула.

Найти покой внутри себя. Сосредоточиться. Успокоить Дух. Направить энергию...

У меня ничего не выходит! Я бездарность!

– А эти девушки, которые сидят с тобой? Тоже поедут на границу? – выпалила я, пытаюсь нащупать тему, которая утихомирит разрушительный фон. И меня.

– Нет, конечно. – Август промокнул сутану бумажным полотенцем. – Для девушек там слишком опасно. Зоя будет служить там, где мы с ней выросли – в Арвое. А Ирма... Она останется здесь, в Обители Святого Варфоломея. Боюсь, мы с ними теперь не скоро увидимся. Мы собрались, чтобы попрощаться.

– Зоя – твоя сестра, так? – Я вспомнила одинаковые точеные носы и темные волосы.

Август кивнул.

– А... Ирма? Девушка?

– Ты очень любопытная, Кассандра, – негромко сказал Август, вновь надевая влажную сутану.

– Это отличительная особенность розоволосых незнакомок, – пошутила я. – Не знал?

Губы Августа снова слегка дрогнули.

– У меня нет девушки, Кассандра. Такие, как я, в день посвящения приносят обет безбрачия. Сегодня я приму постриг и дам клятву. А утром отправлюсь к южной границе Империи. Ирма... она училась с Зоей. И она мой друг. Мы знакомы с самого детства.

Август говорил спокойно, а у меня внутри все оборвалось от его слов. Хотя какое мне дело до судьбы этого парня? Это его путь... Не знаю, почему он выбрал такую жизнь, или она выбрала его сама, но мое дело – лишь спасти свою шкуру. Надо просто нейтрализовать разрушительный выброс, выйти из этой гадкой чайной и забыть все словно кошмарный сон.

Выйти королевой, как и всегда.

Уже завтра я буду пить утренний кофе с мягкой выпечкой и планировать свою роскошную жизнь в северной столице. Мне нет дела до того, чем будет заниматься Август. Мы с ним никогда больше не увидимся.

И все же что-то внутри болезненно ныло, словно там дрожала какая-то невидимая струна. Как ни пыталась я убедить себя, что мне все равно... все равно не было.

– Это звучит грустно.

– Нисколько. – Его губы все-таки сложились в легкую улыбку. – Я лишь жалею, что не сумел воплотить для Ирмы духовный лотос, как символ моего вечного признания ей. Хотел сделать это на прощание. Думал, с браслетом все получится, пытался несколько раз... Но наверное, у меня слишком мало способностей.

Я нахмурилась, вспоминая. Что-то я такое читала... в основном в исторических романах эпохи первых браслетов-усилителей. Тогда воцарилась эпоха нью-ренессанс и возник культ прекрасных дам и благородных рыцарей, среди которых было принято преподносить даме сердца кусочек своей души в виде цветка. Ну если быть точным – кусочек своей духовной энергии, но тогда это называли по-другому и верили, что Линии Духа не что иное, как душа человека.

Впрочем, кто-то верит в это и сейчас.

Вот, к примеру, парень с лицом падшего ангела!

– Духовный лотос?

– Лотос – символ чистоты и непорочности. Как Ирма.

Кажется, он снова смутился. На бледных щеках появился слабый румянец.

А мне почему-то захотелось пнуть этого идиота, а потом выйти и навалить святой Ирме! От зеркала откололся еще кусочек и, звякнув, упал в раковину.

Черт, о чем я только думаю? Ну почему, почему меня это задевает? Я дала себе мысленный пинок, приказала вспомнить свои королевские заветы и состроила максимально равнодушное лицо.

– Да, я о таком читала. Духовный цветок – это ведь что-то вроде атмэ?

– Что ты, на создание атмэ способны только Совершенные, – кажется, его совсем не смущали мои глупые вопросы. Другой уже давно изобразил бы умника, но только не этот парень с лицом падшего ангела. Он отвечал все с той же доброжелательностью. Идеальный Август... – Атмэ – это не разрушаемая частица Духа, воплощенная в материальном виде. У меня никогда не хватит сил на подобное. А вот цветок может сделать даже новичок, он недолговечен. Его суть – сильная эмоция. Но моих не хватает, я уже пробовал.

– Может, ты начал слишком рано, когда панель еще не установилась, – быстро произнесла я. – Попробуй еще раз!

Если он сосредоточится на своем дурацком лотосе, я смогу заняться своей дурацкой нейтрализующей волной!

– Ну же, попробуйся!

Август качнул головой.

– Я пробовал много раз. Сильный образ запавшего в душу человека должен провоцировать создание духовного цветка. Я читал об этом в воспоминаниях святых. Все должно получиться само собой, без особых усилий. Но у меня не выходит. А ведь Антоний Риманский писал, что это совсем просто. Достаточно лишь сложить ладони и подумать о той, кто дорог... Вот так.

Подтверждая свои слова, Август изобразил ладонями ковш. Поднял взгляд – и наши глаза встретились. Время остановилось. Капля воды зависла на краю текущего крана. Трещина на зеркале замерла в нерешительности. Шум голосов затих.

Бездна внутри меня расширилась до самого горизонта и посмотрела невинными и грешными черными глазами.

Я потянулась вперед и прикоснулась губами к губам Августа.

Я даже не успела подумать. Осознать. Словно что-то толкнуло в спину, словно в мире не осталось ничего более важного. Совсем недавно я говорила Дамиру, что поцелую лишь того, кого сама захочу поцеловать... кто бы мог подумать, что это случится так скоро.

Губы Августа были сухими и вкусными. Он открыл рот – наверное, от изумления, и я ощутила его язык. Одно бесконечное мгновение мы просто стояли, соприкоснувшись губами. Не шевелясь. Не закрывая глаз. А потом... потом он осторожно лизнул мой язык. А потом медленно, словно не веря, что делает это, погрузился глубже.

Он ответил на поцелуй.

И это был самый странный поцелуй из возможных.

Мы не соприкоснулись ни в одной точке, кроме наших ртов. Мы все еще смотрели друг на друга, хотя от такой близости образы расплывались. Мы чувствовали. Мягкость и влагу, давление и ласку. Осторожное движение языка по верхней губе. Потом по нижней. Кожа стала такой чувствительной, что ее покалывало от напряжения. Наше прерывистое дыхание смешивалось на губах. Мое тело превратилось в оголенный провод, через который пропустили напряжение грозового разряда.

Я не знала, что поцелуй – это так... чудесно.

Это длилось всего несколько мгновений. А потом Август отшатнулся, широко распахнув глаза. На его лице явственно проступили ошеломление и паника. Он хрипло втянул воздух, словно задыхался.

Во все еще сложенных ковшом ладонях сгустилась его духовная энергия, застывая в форме полупрозрачного, невероятного цветка.

Август издал что-то похожее на стон и разжал руки. Застывший цветок, часть его души, рухнул на грязный кафель, разбиваясь. Материальное воплощение духовной энергии оказалось слишком хрупким...

– Я...я...

Он захлебнулся невысказанными словами. Не менее ошеломленная, я попыталась взять себя в руки. Все-таки я никогда и никого не целовала. И не могла предположить, что мне это настолько понравится.

«Низкочастотная энергия пробуждающегося разрушителя способна провоцировать людей на несвойственные им поступки, выявить тайные желания и помыслы... Эти порывы носят негативно окрашенный характер. Например: спонтанный выброс злости или неожиданное желание телесной близости, освобожденное от уз морали и совести... Эти признаки относятся уже к повышенному уровню опасности разряда пять-шесть. Последующие проявления низкочастотных вибраций способны нанести значительный вред окружающему пространству, и

самое страшное – изменить энергетический контур людей, попавших под влияние выброса. Последствия необратимы...»

Строчки из учебника вдруг так ясно возникли в голове, что я сама поразились. Похоже, шок активизировал мою память, и кое-что я все-таки вспомнила.

Подобные разрушительные проявления возможны только на уровне выше пятерки. А значит... значит, произошло то, чего не случалось уже очень много лет. У Августа – динамическая Сила. И она увеличивается.

Зеркало над раковинами треснуло паутиной, словно кто-то вогнал в него пудовый кулак. Эмаль на раковине вспучилась, напоминая закипающую яичницу на раскаленной сковородке. Плитка под ногами начала крошиться.

Меня с головой накрыл дикий ужас.

О Истинодух! Что я натворила!

– Август, успокойся! – пытаюсь собраться и направить свою нейро-волну, выкрикнула я. – Возьми себя в руки! Ничего не случилось, слышишь?

Он тяжело втягивал воздух и смотрел на меня дикими глазами, словно и не замечая того, что происходит вокруг. Белки его глаз посерели, в уголках появилась кровавая сеточка.

– Август! – Я качнулась к нему, желая прикоснуться, но парень отшатнулся. – Август, послушай меня! Это всего лишь поцелуй! Ничего... такого!

Ничего такого? Даже для меня это оказалось... чрезмерно волнительным. А что говорить о том, кто всю жизнь провел в молитвах? Кто сознательно решил дать обет безбрачия и посвятить свою жизнь служению Духу?

Август не такой, как я.

Не такой, как все, кого я знаю.

Под моими ногами жальщими осколками взорвался кафель, и я отлетела в сторону. И парень словно очнулся.

– Что происходит? – ошарашенно выдохнул он.

– Выброс... разрушительной энергии... – прохрипела я, сползая по стене.

– Кассандра!

Послушник кинулся ко мне и схватил, помогая подняться. Его руки легли на мою талию, и даже сквозь слои атласа я ощутила его тепло.

... Найти внутри себя точку покоя... Расширить ее до контуров тела и вывести за его пределы...

Сверху что-то рухнуло. В зале за стеной раздались грохот и крики.

– Ничего не выходит, – прошептала я, глядя в глаза Августа. Они были так близко, словно он снова собирался меня поцеловать... – У меня ничего не выходит. Я не могу тебя нейтрализовать.

Он моргнул. Прищурился. Взгляд стал сосредоточенным.

– Нейтрализовать... Сработали датчики низкочастотного выброса? Ты поэтому пошла за мной, так? Причина во мне?

Я кивнула, уже не видя смысла скрывать.

– Ты должна это сделать, Кассандра, – четко и быстро произнес Август. – Давай, ты сможешь. Скажи, чем я могу помочь.

... Найди свою точку покоя...

Я облизала губы и удивилась тому, что они мокрые и соленые. Я поранилась? Или я плачу?

Найди свою точку покоя.

В этом и состоит проблема. Я не знаю, где ее искать. Якорь, который держит на месте, не давая шторму унести мою лодочку в глубокие воды. Тихая комната, в которой ждут те, кто меня любит. Светлый образ, ради которого хочется просыпаться по утрам.

Икигай, свой – у каждого.

У каждого она своя – эта точка. Что-то истинное и сокровенное, то, чем не делятся с остальными, но бережно хранят у сердца. Что-то невесомое и важное.

Увы, за десять лет обучения я так и не сумела найти свой якорь.

Для большинства учеников им становятся родители – главные люди в жизни детей. Но моя мама смотрела со стены строгим и чужим нарисованным взглядом, а папа... Я покривила бы душой, назвав его плохим отцом. Я покривила бы душой, назвав его отцом любящим.

– У меня нет якоря, – безнадежно прошептала я. – Он нужен, чтобы стабилизировать нейро-поток внутри меня. У меня не выходит... Не получается...

– Тогда я буду твоим якорем, – твердо сказал Август и мягко обхватил мои ладони своими. – Смотри на меня. Ты сможешь, Кассандра. Я в тебя верю.

Вокруг нас рушились стены. Где-то кричали люди и выли сирены...

Я хотела сказать, что так не бывает. Разве может быть якорем тот, кого я пришла нейтрализовать? Но я промолчала. Я смотрела в его глаза и чувствовала тепло его рук. Чувствовала рассыпавшиеся пряди его черных волос, щекочущие мне щеку. Запах мыла, ветивера и церковных благовоний, впитавшийся в его сутану. И еще – едва уловимый аромат самого Августа, такой притягательный и манящий...

Его губы дрогнули, складываясь в неуверенную улыбку. Словно мы стояли среди душистых трав под тихими звездами, одни в целом мире. И впереди ждало только хорошее... Целая жизнь, наполненная счастьем.

Мир перестал звенеть и кружиться.

– Получается, – прошептала я, и его улыбка стала шире.

Внутри разлилось медовое и сладкое. Крохотная, почти невидимая вспышка зародилась в душе. Ничто, становящееся новой вселенной. Темнота, рождающая из хаоса самую яркую, самую ослепительную звезду. Нет! Целую галактику! Бесконечность звезд, наполненных светом! Моя точка покоя завертелась внутри, расширяясь и расширяясь, пока...

– Убери от нее руки, урод! – Яростный злой вопль, рывок — и Август отлетает в сторону, ударяясь плечом о стену.

– Дамир? – ошеломленная и дезориентированная от того, что происходило внутри и снаружи, я уставилась на своего сокурсника и бывшего парня. – Какого черта ты тут делаешь?

За спиной Норингтона маячило бледное лицо Джемы Ржаник.

– Что вы тут делаете?

– Следом поехали! – рявкнул Дамир и сжал кулаки. – Это он, да? Тот урод, ради которого ты меня бросила? Он?

– Вы расстались? – оживилась Джема.

– Дамир, ты совсем дурак? – завопила я. – Мы с Августом только что познакомились!

– И он уже тебя лапает!

– Никто меня не лапает...

Дамир снова ударил. Его вели злость и ревность, не дающие парню мыслить разумно. Первая любовь оказалась болезненной...

– Довольно... – Голос Августа утонул во всеобщем хаосе. Он стер с разбитой губы кровь и удивленно посмотрел на свою испачканную руку.

Сверху посыпались штукатурка и камни.

– Прекратите! – заорала я. – Вы что, не понимаете? Не понимаете?

Слишком много разрушительной энергии. Слишком много злости.

... Найти покой внутри себя. Найти покой...

Но звезды внутри меня гасли, одна за другой.

Дамир снова кинулся на Августа.

Капли крови упали с лица разрушителя. И яростная волна разметала нас в стороны. Я рухнула и приложилась головой о край раковины. Застонала, моргая и пытаюсь сложить воедино задвоившееся изображение. С трудом встала на колени, схватилась за скользкую поверхность. По виску текла кровь, щека горела, внутри что-то хлюпало...

Дамир кинулся на Августа, и тот неожиданно двинул ему в челюсть. Вполне прилично так двинул! Мой бывший парень заревел, словно бык, схватил Августа, протащил по полу, и оба они вывалились в коридор.

– Джема, помоги! Это надо остановить! – отчаянно закричала я, бросаясь к девушке. – Прошу, помоги мне!

– Ты сама виновата, – забормотала Ржаник, отталкивая меня. В ее глазах горело злое торжество. – Ты сама!

– Не время для детских обид! Помоги!

Но Джема отстранилась, забила в угол и смотрела на меня широко распахнутыми, ошеломленными глазами. Из ее носа тонкой струйкой текла кровь.

Оскальзываясь на мокром кафеле, я выскочила из уборной и остановилась. В чайной царил полнейший хаос. С громким хлопком разом вылетели все стекла. Я закрыла лицо руками, ощущая, как режет пальцы колкая крошка. Старушек, к счастью, не было, а вот студенты-архитекторы не ушли, как и послушницы со священником. Их раскидало в разные стороны, у многих по лицам текла кровь. Из носа, глаз, ушей...

– Август, Август! – на одной ноте верещала светловолосая монахиня.

Ирма – поняла я. Та самая дева сердца, для которой он хотел создать духовный цветок.

Вторая, его сестра Зоя, ползала по полу, словно слепая.

Священник покачивался, стоя с поднятыми руками, и молился. Мне хотелось крикнуть ему: «Громче, святой отец! Громче!» Ведь молитва – самый древний и доступный способ гармонизировать пространство. И человека. Так говорите громче! Нет, лучше кричите так, чтобы вас услышали даже на небесах! Потому что ваш шепот ни черта не помогает!

– ...Смилуйся... грешником, укажи... путь, огради... зла... Даруй защиту... Проведи по... пути...

Слова молитвы едва доносились сквозь какофонию криков и грохота разваливающегося здания. Часть стены обвалилась. Сверху сыпались камни и доски, не давая добраться до выхода.

Дамир лежал в проходе, не двигаясь. Его правая рука выгнулась под неестественным углом.

А в центре хаоса стоял Август.

В колледже нам рассказывали о низкочастотной воронке, которая возникает возле пробуждающегося разрушителя. Но я не думала, что однажды увижу это воочию.

Вокруг парня в сутане заворачивался энергетический смерч, втягивая в свой поток все вокруг. Куски штукатурки и битые стекла, посуду со столиков и сами столики, разрушающиеся стены и людей, безнадежно пытающихся избежать столкновения с бездной. Нас всех тянуло в эпицентр хаоса, в черную дыру, которая станет нашей могилой. Я уцепилась за какую-то трубу, ощущая, как ноги поднимаются в воздух.

– ...Сохрани... грешников...

Священник уже кричал, венчик волос на его голове стоял дыбом и искрился. Зоя, Ирма и двое студентов-архитекторов кружились возле Августа как спутники вокруг своего жестокого солнца. Третий парень и официант Стив лежали между оставшимися столами. Их неподвижные окровавленные тела тоже неумолимо затягивало в центр. Еще часть стены с грохотом треснула, но камни обвалились не вниз, а потянулись к воронке, закручиваясь в ужасающем танце смерти.

Цепляясь за все, что можно, я поползла в сторону Августа. Кажется, он не осознавал, что делает. Внутри него рождалась Сила, которой он не умел и не мог управлять. По его щекам текли слезы, окрашенные красным...

– Август, – прошептала я, и голова послушника дернулась. Наши взгляды встретились.

«Беги», – одними губами произнес он. Звук тонул в нарастающем реве воронки. Она оглушала так, что казалось, я навсегда утрачу способность слышать.

Хотя о чем я... У меня больше нет никого «навсегда».

Сквозь летящие камни в провале стены я увидела медленно идущую фигуру. Прищурилась, пытаюсь разобрать, кто это. Тонкая, черноволосая, хромая...

Катерина Вольц! Она здесь!

Облегчение стало таким сильным, что я едва не расплакалась. Лицо Верховного миротворца было серым или так казалось за столбом пыли. Ее губы шевелились, словно женщина тоже шептала молитвы... А в глазах стоял ужас. И поначалу я не поняла, отчего. Ведь Катерина – самый сильный миротворец Империи! Она поможет! Она нейтрализует!

Она не справлялась.

Это стало очевидно, когда кусок стекла взвился в воздух, пролетел десяток метров и впился в бок женщины. Катерина упала, зажимая ладонью рану и снова что-то забормотала, не сводя отчаянных глаз с Августа. В дыму и пыли возникло перекошенное лицо Джона Марфиса. Он подхватил упавшую Катерину и потащил в сторону. А за ним... за ним...

Мелькнули приготовившиеся к атаке солдаты в шлемах, блеснули черные дула автоматов. И показалась фигура – такая знакомая, такая родная...

Ричард Вэйлинг осмотрел взвод.

– Папа, нет! – закричала я.

Не закрывала. Меняхватило только на сиплый хрип.

– Огонь!

Свинцовый град обрушился на Августа. И рассыпался бесполезной дробью, не сумев пробить энергетическую воронку.

– Марфис, да отпустите же меня! – орала Катерина Вольц. – Вы не понимаете, идиот, не понимаете...

– Папа, остановись! – на этот раз получилось громче, и отец вздрогнул, прищурился, пытаюсь рассмотреть меня в начавшемся пожаре.

Если я смогу дотянуться до Августа... если только смогу... Почему-то внутри жила уверенность, что стоит нашим пальцам соприкоснуться, и звезды внутри меня снова зажгутся. Что они станут новыми солнцами. Что их тепла будет достаточно, чтобы все исправить.

Что еще есть шанс все исправить.

– Огонь! – приказал мой отец.

Я закрыла голову руками. Новый залп, и снова бесполезно. Я поползла, хватаясь за остатки мебели и вставшие дыбом доски уничтоженной чайной.

– Кассандра, – пробился сквозь шум и скрежет тихий голос Августа.

Я вскинула голову. Он смотрел на меня. Бледное лицо, залитое красными слезами. Рука с белым браслетом на изящном, но сильном запястье дрогнула и потянулась ко мне.

Я протянула свою. Между нашими пальцами остались считанные сантиметры. Два браслета – белый и золотой – сияли по-прежнему ярко, словно грязь этого мира не могла их испачкать. Разрушительная воронка ослабла.

Еще немного... немного...

Смертоносный вихрь медленно затихал.

За спиной Августа Ричард Вэйлинг поднял винтовку и прицелился.

Мой взгляд скользнул с лица послушника на лицо отца, а губы выдохнули умоляющий стон.

Нееет!

Выстрел. Рухнувшие вниз камни и стекла.

И тишина, словно я всё-таки оглохла.

Я упала рядом с Августом и положила дрожащие пальцы в его раскрытую ладонь.

Последнее, что я увидела – это бледное, серьезное лицо моего павшего ангела и темные глаза, глядящие на меня. И кровь, растекающуюся по его парадной сутане.

А потом стало темно.

Глава 7. Призраки прошлого

Спортивный ferrum mostro, рыча на поворотах, несся по улицам Старограда. Огибая готические старинные здания, шпилями протыкающие ночное небо, укрытых снежком бронзовых святых и сияющие потусторонним синим светом мосты, он вылетел на широкую набережную. Чугунная ограда черной змеей охватывала гавань, служа ненадежной и иллюзорной защитой от скованной льдом реки. Прохожие на узких тротуарах, каменные чудовища на крышах зданий и слепые изваяния небожителей провожали железный шторм и его водителя одинаково укоризненными взглядами, словно пурпурная железная вспышка нарушала устоявшуюся благодать этого города.

Впрочем, я их не замечала. А если бы и заметила, вряд ли это заставило бы меня снизить скорость.

Напротив, я вдавила педаль в пол.

Мой монстр завизжал, уходя в дрифт на скользкой дороге, и я с трудом удержала машину от того, чтобы не протаранить чугунную ограду, оказавшись на льду реки. Из-под колес полетела снежная и каменная крошка, Машину повело в сторону, неумолимо вытаскивая в точку невозврата. Я вцепилась в руль, налегая всем своим весом. На лбу, несмотря на открытые окна и врывающийся в салон холодный ветер, выступили капли пота. Тяжелые басы орущей из динамиков музыки стучали в висках.

Рев и рывок, скрип горящих покрышек – и многотонный монстр все-таки сдался и послушался хозяйской руки. Автомобиль замер у ограды, так и не свалившись в реку.

Я медленно выдохнула. Стерла испарину. Протянула руку и выключила приёмник. В наступившей тишине стало слышно шипение железа и мое участившееся дыхание.

Прямо перед капотом ferrum mostro на меня взирал с постамента мраморный ангел. Более тысячи подобных статуй украшали город и набережную, неудивительно, что я едва не врезалась в одну из них. Снег белыми перьями слетал с каменных крыльев, капли небесной воды исчерчивали полосами застывшее в вечности лицо.

Я посмотрела на ангела. Потом на свою ладонь и хмыкнула – она не дрожала.

– Ты по-прежнему бесчувственная ледышка, Кассандра Вэйлинг, – сообщила я своему отражению в зеркальце заднего вида. На ресницах широко распахнутых глаз таяли залетающие в окно снежинки.

Зябкий ветер с реки пощечиной ударил в лицо, и я вздрогнула, словно очнулась. Закуталась в короткую серебристую шубку, сдула прилипшие к щекам волосы.

– Эй, с вами все в порядке?

Кто-то из наблюдающих представление прохожих все-таки решил осведомиться о моем здоровье. В окне замаячило встревоженное мужское лицо.

– Госпожа, вы не пострадали? Кто же так гоняет зимой-то? Лед ведь сплошной, а не дорога, оглянуться не успеете, как окажетесь на дне реки...

Я нажала на кнопку, поднимая стекло, и снова врубила музыку. Симфония ударила духовыми так, что едва не оглушила. Звук мужского голоса исчез, а лицо сердобольного спасителя исказилось, теперь уже от гнева. Похоже, он передумал спасти непутевую девицу и теперь призывал на мою голову проклятия.

– Не переживай, – буркнула я, вырвав на дорогу. – Уже.

Ferrum mostro радостно зарычал, когда я снова вдавила в пол педаль газа, разбрызгивая снег, и помчалась вперед. Правда, на этот раз обошлось без происшествий и уже через пятнадцать минут я притормозила у двери между двумя каменными чудовищами с оскаленными мордами горгулий. Вход стерег громила, мало отличающийся по внешнему виду от своих нежи-

вых братьев. Над полукруглой дверью алела надпись «Глотка», изнутри доносились ритмичные басы.

Отличное местечко!

Охранник окинул быстрым взглядом мою короткую распахнутую шубку и шелковую, расшитую золотом, блузу под ней, узкую юбку ниже колен, сапоги на остром каблуке и тяжелые серьги с рубинами, бросающие сноп алых брызг на мое бледное лицо. Длинные вишневые волосы теребил ветер, и я недовольно повела плечом, отбрасывая пряди.

Дверь передо мной распахнулась, и я окунулась в полумрак с привкусом хмеля и сигаретного дыма.

Посетителей оказалось немного, впрочем, для завсегдатаев этого заведения еще слишком рано. А вот через пару часов, когда полная луна выкатится на небосклон, пытаюсь пробиться сквозь завесу туч, здесь будет не протолкнуться.

Заняла место у бара, там, где красные абажуры старинных ламп разливали по деревянной стойке потоки кровавого света, и подняла два пальца, показывая бармену, что девушке необходим ее коктейль. Тот понятиливо кивнул и уже через пару минут передо мной стоял узкий непрозрачный бокал с напитком.

Но не успела я сделать и глотка, как сбоку возникла мрачная тень и укоризненный голос произнес:

– Пьешь? И снова гоняла, верно? Когда ты уже образумишься, Кэсс?

Я все-таки сделала глоток. Выдохнула, сморгнула слезы, выступившие от невыносимой горечи.

– А давай ты просто провалишься к чертям и оставишь меня в покое, Дамир? – предложила я, не глядя на насупившегося парня.

– Я переживаю за тебя.

– У меня все отлично, – сделала еще глоток, на этот раз осторожнее. – Ты убедился, что я по-прежнему жива-здоровая, и можешь со спокойной душой катиться в ад. То есть к Джеме, прости.

Дамир тяжело вздохнул, потянул носом.

– Что у тебя за пойло? – брезгливо спросил он.

– Называется – «Твоя голова взорвется под утро», – подмигнула я. – Водка, черный ром, крепкий как деготь кофе, щепотка жгучего перца и капля ванили. Хочешь попробовать?

Дамир скривился и отодвинул в сторону мой бокал. Если бы он все же решился попробовать, у меня могли возникнуть большие проблемы. Но Дамир терпеть не может кофе, да и алкоголь не жалуется. Так что я почти не рисковала.

Почти.

Я развернулась, взглядом пригвождая наглеца к барной стойке. Увы, на него это не подействовало.

За прошедшие пять лет Дамир раздался в плечах и нарастил мышечную массу, превратившись из юноши в красивого молодого мужчину. Золотые кудри, от которых млели все девушки колледжа в Нью-Касле, он подстриг, и теперь лишь несколько непокорных завитков падали на высокий лоб. Бежевый свитер под горло, идеальные брюки со стрелками, дорогие туфли из телячьей кожи и роскошное светлое кашемировое пальто с двойным рядом серебряных пуговиц сразу выдавали в нем жителя богатого квартала и казались неуместными в этом заведении. Впрочем, как и мои рубины. Неудивительно, что на нас косились с недовольством и недоумением.

Дамир стянул с рук перчатки тонкой выделки, сел на высокий неудобный табурет и посмотрел на меня.

В целом, он остался все тем же красавчиком, только вечную улыбку на его лице сменила острая настороженность, а взгляд утратил беспечность.

Впрочем, сейчас меня волновал лишь мой бокал, а не то, насколько взрослым стал Дамир.
– Немедленно верни, – прошипела я.

Златовласый гад брезгливо отпихнул напиток еще дальше и сложил руки на груди, показывая, что бороться с ним бесполезно.

– Кэсс, хватит. Нам надо поговорить. Серьезно поговорить. И я хочу, чтобы ты при этом разговоре была трезвой!

– Это то, чего я меньше всего хочу, глядя на тебя! – уронила я и увидела, как заострились черты мужественного лица.

В глазах Дамира мелькнула застарелая боль, но тут же погасла.

– Прекрати, – тихо сказал он. – Я лишь хочу тебе помочь. Я не могу смотреть, как ты разрушаешь свою жизнь.

– Так не смотри. Кажется, я не раз предлагала тебе этот вариант!

– К сожалению, не могу! – в сердцах бросил он. На миг отвел взгляд и на его щеках заходили желваки.

Выдохнув, Дамир снова глянул на меня. На этот раз его глаза казались бутылочным стеклом – такие же зеленые и непроницаемые.

– Я твой куратор, Кассандра, – сухо продолжил он. – Если ты все еще об этом помнишь. И как куратор могу сказать, что у тебя большие проблемы. Ты до сих пор не выбрала специализацию. Ты не сдашь экзамены Академии, если не возьмешься за ум. Твоя репутация настолько ужасна, что даже я не смогу спасти твою шкуру. Никто не сможет. Ты вылетишь из Академии и окажешься в черном списке. Что ты будешь делать с этим, Кэс? Как жить?

Я фыркнула, с вождением глядя на бокал. Пошевелила пальцами, в которых уже ощущала его тяжесть. Чертов Дамир! Как же не вовремя он явился!

Тот, кого я мысленно чихвостила, снова тяжело вздохнул.

– Я думаю... думаю, тебе пора наконец поговорить с отцом, Кэсс.

Я обожгла мерзавца злым взглядом. Внутри становилось все гаже, а бокал по-прежнему был слишком далеко.

– Кассандра, ты меня слушаешь? – Мой проклятый недруг повысил голос, и краем глаза я заметила, как позади ворочается кто-то из завсегдагаев. Вероятно, мы привлекали внимание...

Бармен бросил на нашу пару быстрый взгляд и снова начал меланхолично протирать стакан.

– Еще громче, и тебя услышит вся «Глотка», – отозвалась я, сглатывая сухим горлом.

– Так ты поговоришь с отцом?

– Конечно же, нет.

– Кэсс... Ты не разговариваешь с ним почти пять лет. – Дамир свел темно-медовые брови. Признаться, хмурый он выглядел еще лучше, чем улыбаясь.

– Хватает и того, что ты болтаешь с ним регулярно. И доносишь на меня.

– Он просто хочет знать как у тебя дела, – ничуть не смутился предатель. – Ричард волнуется о тебе, Кэсс. Ты его дочь, и он любит тебя.

Я рассмеялась, заставив Дамира поморщиться.

– Пусть ты в это и не веришь, – продолжил он. – Все видят, как Ричард о тебе заботится. Дорогие меха, украшения, одежда. Апартаменты в Анноквирхе. Твоя проклятая машина, в конце концов! Кстати, не боишься бросать ее вот так? Ты хоть двери-то закрываешь? В этом районе полно отбросов.

– Ничего, если угонят, папочка купит новую, – хмыкнула я, и Дамир осуждающе покачал головой.

– Он дает тебе все, что ты пожелаешь. А в ответ просит один телефонный разговор! Он ведь твой отец, Кэсс! Неужели ты не в силах найти в своей душе хоть каплю любви к нему?

– Бог мой, да я сейчас заплачу, – чуть хрипло произнесла я. – Твоя беда в том, Дамир, что все семьи ты меряешь по своей. Но такие, как у тебя, встречаются столь редко, что относятся к разряду сказок. Тебе повезло, и поэтому ты видишь любовь даже там, где ее никогда не было.

– Повезло? – Зелёные глаза потемнели, и я прикусила губу.

Мне не хотелось напоминать Дамиру о прошлом. Хотелось убить за то, что он отобрал мой напиток, но напоминать – нет. Потому что тогда и мне пришлось бы вспомнить то, что я так старалась забыть.

– Твоя мама умерла, но она у тебя хотя бы была, – негромко сказала я, отворачиваясь.

Призраки прошлого сгустились за нашими спинами. Два силуэта, сотканые из нашей боли. Женский, обнимающий Дамира.

И мужской, на который я не хотела смотреть.

Голова пошла кругом, меня затошнило. Проклятье! Мне нужен мой бокал!

– Я не буду разговаривать с генералом Вэйлингом. Ни сейчас, ни когда-либо потом, – проглотив комок в горле, отрезала я. – Прекрати это сводничество, Дамир. И слезку за мной. Иначе однажды я решу забыть о том, что когда-то мы были друзьями.

– Мы никогда не были друзьями, Кассандра, – глянув исподлобья, бросил парень. – Я любил тебя. Я сделал тебе предложение. Я хотел прожить с тобой жизнь. Это кое-что иное, чем быть друзьями.

Я пожала плечами.

– Так ты просто не можешь забыть, что я тебе отказала? Поэтому ты меня изводишь и не даешь спокойно надраться?

– Я не даю тебе надраться, потому что беспокоюсь! – рывкнул мой недруг, и позади зашевелилась огромная туша охранника.

Я завела руку за спину и показала охраннику кулак. Туша из поля зрения пропала.

Дамир, не замечая моих жестов, скривился, схватил бокал и сунул мне в руки.

– Не терпится, да? Вот, бери! Бери, Кэсс! Ну?

Я обхватила ледяными пальцами дымчатое стекло. Напиток внутри напоминал черный деготь. Такой же темный, как глаза призрака, стоящего за плечом. Мне не надо было оборачиваться, чтобы видеть его лицо, совершенное, словно ночь. Его внимательный взгляд. И слышать его шепот, зовущий из небытия.

«Я буду твоим якорем, Кассандра...»

Ты не якорь. Ты камень, привязанный к моим ногам и тянущий меня на дно. Не отвязать, не спастись. Впрочем, спастись я и не пытаюсь.

Одним глотком я выпила напиток и закашлялась от горечи чертополоха и полыни.

Дамир скривился и потер лицо, словно пытаюсь очнуться от кошмара. Я усмехнулась, глядя на него.

– Тебе тоже не мешало бы выпить, Златовласка. Может, перестал бы быть таким занудой. – Полынный шторм бушевал внутри, медленно согревая холодные пальцы.

Дамир нахмурился, услышав прозвище, которым я наградила его в колледже.

– Вижу, с тобой бесполезно разговаривать. Что ж, я сделал что мог. И кстати... Как твой куратор, я назначил тебе еще один сеанс у менталиста.

– О, отправил меня к мозгоправу? Очень по-дружески. Думаешь, доверительные беседы спасут мою грешную душу?

– Думаю, что еще немного – и даже я сдамся, – сухо сказал Дамир. – В академии о тебе говорят, Кассандра. Слухи один гаже другого. И даже я уже начинаю в них верить.

– И что же обо мне болтают? – любопытствовала я.

– Что еще немного – и тебя с позором вышнырнут из академии. Что отец от тебя откажется, если ты вляпаешься в очередную дурную историю. Что ты давно забыла, что такое трезвая голова. Не вылезает из ночных баров и сомнительных заведений. Участвуешь в запре-

ценных гонках, шатаешься по тупикам нижнего города и... принимаешь скверну. А еще... – Дамир запнулся.

Я медленно улыbnулась и, подавшись ближе, посмотрела ему в глаза. Снизу вверх.

Зрачки парня расширились, кадык дернулся. Его взгляд прилип к моим полуоткрытым губам.

– Продолжай, – промурлыкала я.

– Что среди твоих любовников не только обладатели нейро-панелей, но еще разные отщепенцы. И что частенько они бывают в твоей постели... не по одному.

– Какая ужасная... – выдохнула я. И добавила, когда Дамир, вольно или нет, склонился ниже, а его дыхание участилось: – ... правда.

Он моргнул, глядя на меня. А потом отшатнулся так, словно увидел чудовище. Я тихо рассмеялась.

– Уже не хочешь меня спасти, Дамир?

– Ты... Ты стала монстром, Кэсс. А ведь я... – Он оборвал предложение, не договорив. И закончил сухо, больше не глядя на меня. – Ты обязана пройти сеанс с менталистом академии. Если она даст заключение о твоей стабильности и вменяемости, то ты получишь допуск к практическим заданиям. Если нет – тебя исключат. Это все, что я могу для тебя сделать, Кассандра.

Не попрощавшись, Дамир схватил со стойки свои дорожные перчатки и покинул «Глотку». Я проводила его задумчивым взглядом.

Бармен поставил передо мной еще один бокал из непроницаемого дымчатого стекла. На этот раз – с теплой водой.

– Кажется, ваш друг расстроился, – негромко произнес он.

– У меня нет друзей, Адриан.

– Конечно. Им ведь надо говорить правду. Что-то я ни разу не видел, чтобы вы принимали скверну. Или хотя бы алкоголь. Кажется, вы упоминали, что у вас непереносимость.

– Каждый верит в то, во что хочет верить, Адриан. – Я одним глотком осушила стакан с водой, подышала, пережидая бурю внутри.

– Ваш приятель говорил дурные вещи, – толстостенный стакан, жалобно звякнув, раскололся в руках бармена. – Я мог бы...

– Это неважно. Просто держи свой рот на замке.

Бармен поднял руки, становясь серьезным.

– Я могила, вы ведь знаете.

Я кивнула. Да, я знала. Адриан скорее откусит свой язык, чем сболтнет лишнее.

Слегка покачиваясь на высоких каблуках от шторма, бушующего внутри, я двинулась к выходу. Пора заканчивать на сегодня. Хоть иногда, но даже мне порой нужны несколько часов сна.

Призрак прошлого, маячивший за плечом, неслышно двинулся следом. Я на него не смотрела.

«Я теперь твой якорь, Кассандра...»

Адриан проводил меня взглядом. Один из посетителей – молодой и наглый – поднялся мне навстречу.

– Ого, какая крошка! Красавица, не хочешь повесели...

Громила-охранник мягко отодвинул его в сторону, зыркнул на остальных. И неслышно пошел следом, пугая посетителей и моего призрака чудовищным видом и чесночным дыханием.

Переглянулся со стражником у дверей «Глотки», распахнул дверь моего железного монстра.

– Хотите, я сяду за руль, госпожа Кассандра? – тихо спросил он. Потом не выдержал и все-таки обернулся, пытаясь увидеть за спиной того, на кого я смотрела.

Но это было невозможно. Ведь его не существовало.

Я покачала головой.

Полынный шторм стихал, успокаивая разум и сердце. Стылое умиротворение наполняло душу. И призрак прошлого таял, сметенный усилившимся снегопадом. Я больше не видела его темных как грех глаз и не слышала его голос.

Без него стало пусто.

– Будьте осторожны, госпожа Кассандра, – смущаясь, выдавил охранник. Кончики его многократно сломанных на ринге ушей покраснели, как бывало всегда, когда он говорил со мной. – Дороги заледенели. Обещают снегопад. Вы уверены, что вам не нужна помощь?

Не отвечая, я завела мотор и нажала на педаль, заставляя железного зверя сорваться с места.

Глава 8. Душевный разговор

– Кассандра, давайте поговорим о ваших снах.

– Не знаю, что вам о них сказать. Разве что – мне их катастрофически не хватает. Может, я посплю вместо нашей неувлекательной и ненужной беседы? Поверьте, от этого будет гораздо больше пользы.

Анна Левкой, менталист с золотым браслетом на запястье, понимающе улыбнулась. Поправила очки в дорогой черепаховой оправе, провела рукой по вельветовой юбке, обтягивающей колени и тяжелой волной расходящейся у лодыжек. И снова посмотрела на меня.

Синие стекла в вытянутых, как кошачий глаз, очках мигнули бликом света.

Я демонстративно зевнула.

Анна улыбнулась.

– На последней...мм... проверке вы говорили, что вас мучают кошмары. Что в них вы видите того парня. Разрушителя, которого не смогли нейтрализовать пять лет назад. Он все еще снится вам?

Пальцы вмиг заledenели. Мне захотелось сунуть их под бархатную подушку кушетки, на которой я сидела, или хотя бы размять, но я не позволила себе этого выдающего нервозность движения.

– Нет.

– Но вы жаловались, что кошмары преследуют вас.

Да, жаловалась. Тогда я была слишком неопытна и слишком разрушена произошедшим, чтобы соображать здраво. Тогда казалось, что мне помогут.

– Я больше не вижу кошмаров. И не думаю о прошлом. Я ведь уже сказала – у меня все в порядке. Не понимаю, зачем трачу ваше время.

– И все же давайте поговорим о тех снах, Кассандра, – не поддаюсь на провокацию Анна, и я подумала, не швырнуть ли в нее этой самой подушкой. Хотя лучше – кушеткой. – Вы рассказывали, что видите его, погибшего парня. И слышите его голос. Что именно вы видели?

От застывшей на лице маски безмятежности болели скулы.

Мне нужна пауза. Это не будет выглядеть...странным.

Медленно обвела взглядом роскошную комнату в башне Академии Миротворства. Две стены в модном стиле лофт – натуральный камень и кирпич. Одна – бежевая, так густо увешанная дипломами и золотыми наградами миссис Левкой в области менталистики, что рассмотреть цвет почти невозможно. Последняя – выкрашена в светло-зеленый и украшена пейзажем. В углу изящные подставки с живыми цветами, там же столик, на котором высится резная клетка. Внутри прыгает по жердочкам канарейка. За спиной Анны – широкий и основательный дубовый стол, призванный внушать уважение каждому, кто посетит этот кабинет. На нем между тяжелой подставкой с карандашами и бронзовой статуэткой журчит декоративный фонтанчик. Сама госпожа менталист расположилась в удобном кресле напротив меня.

И еще здесь есть окно. Большое и круглое, увитое снаружи морозостойким краснолистным плющом. В стекле тает зимнее солнце, видно заснеженные крыши Старограда и главное здание Аннонквирихе.

Академии, из которой я вылечу уже завтра, если неправильно отвечу на вопросы проклятой Анны.

А мне необходимо здесь остаться!

Медленно выдохнув, я повернула голову к терпеливо ожидающей женщине.

– Все мои кошмары зафиксированы в отчетах, – съязвила я. Все-таки Кассандра Вэйлинг имеет определенную репутацию. Не стоит ее менять. Да и слишком явная незаинтересованность может мне навредить, это будет выглядеть подозрительно. – Ладно. Мне снилось, что...

он находится где-то. Странное место. Пугающее. Что-то вроде подземелья. На нем нет одежды, кроме рваных штанов. Там холодно. И еще цепь. Да, на нем была цепь. На левой руке. Поверх... поверх нейро-панели. Его длинные волосы сваялись от грязи и превратились в паклю. И у него была борода на лице. Но я узнала его. Сразу. Его глаза... Я не могла их не узнать. А еще...

Я задохнулась, не в силах продолжать. Еще на его теле были раны.

Анна кивнула с профессиональным сочувствием.

– Что он делал? В те моменты, когда вы его видели?

Я набрала в легкие ускользящий воздух.

– Он... молился.

Анна мелко качнула головой. Верх-вниз. Блик света волной прокатился по синим стеклам очков.

– Всегда молился?

– Иногда спал. Или ел. Ужасную еду. Это больше походило на помои.

– В ваших снах этот парень как-то реагировал на ваше присутствие? Видел вас?

– Нет.

– Вы понимаете, почему видели эти кошмары, Кассандра?

– Да. – Мне все подробно объяснили. Несколько раз. – Мой разум не мог освободиться от чувства вины и потому создал иллюзию, в которой... тот парень продолжал существовать. Но это выдуманное существование было ужасным. Я придумала его, чтобы наказать себя.

– Верно. И ваши кошмары прекратились, как только вы смогли принять его смерть как свершившийся факт. Как только смирились с этим и сумели простить себя. Не так ли?

Снова легкий кивок. Завораживающий блик света. Расслабляющее журчание водопада. И движение канарейки с жердочки на жердочку.

Прыг-скок.

Прыг-скок.

Прыг.

Скок.

Птица зависла в воздухе на одно мгновение дольше положенного. Потерянная секунда времени, которую не может заметить человек без браслета. Да и в браслете, пожалуй, тоже...

Замершее время, означающее, что госпожа менталист применила силу своего Духа. И теперь каждая ложь, которую я произнесу, будет звенеть для нее сиреной.

Академия Миротворства Старограда всегда славилась выдающимися специалистами. И Анна Левкой, несомненно, была одной из них. Гениальный менталист, консультирующий самых высокопоставленных людей Империи. Соврать ей невозможно.

– Кассандра, вы не ответили, – мягко поторопила меня Анна. – Вы больше не видите сны с тем парнем?

Я откинулась на бархатную спинку кушетки.

– Нет, не вижу. Эти сны прекратились.

– Возможно, вы видите его как-то иначе? Видения? Галлюцинации? Образ? – вкрадчиво продолжила она.

– Нет. Никаких снов и никаких видений. Я ведь не сумасшедшая.

– Иногда разум создает ловушку. Показывает образ того, кого не хватает, – мягко напомнила Анна.

Меня ее мягкость не обманула.

– Я ничего не вижу. Ну то есть... сны мне снятся. Иногда. И парни там тоже бывают. Вот вчера приснились близнецы с моего курса, Адам и Виктор. Такие красавчики, скажу я вам! И оба голые в моей постели, представляете? Поворачиваю голову влево и вижу Адама. Потом вправо – а там Виктор! И оба одинаковые! А потом Адам мне говорит: давай развлечемся, детка? Или это был Виктор... все-таки я так и не научилась их различать!

Анна не сумела удержать профессионально-отстраненную мину, поморщилась и сдернула с лица очки, показав водянисто-голубые глаза с короткими белесыми ресницами.

– Мне продолжать? – невинно поинтересовалась я.

– Давайте поговорим о ваших друзьях.

– Друзьях? – искренне удивилась я. Когда это они успели у меня завестись?

– Дамир Норингтон и Джема Ржаник. В Нью-Касле вы обучались в одном колледже, к тому же Дамир был вашим парнем. Но из-за произошедшего в день выпуска вы не смогли поступить в Академию в том же году, а они – да. Вы целый год провели в закрытом учреждении, а ваши бывшие сокурсники обогнали вас и в учебе, и в практике. Сейчас они оба являются полноценными членами домена миротворцев.

– Не вижу в этом никакой проблемы.

– Кстати, они оба обладают выдающейся Силой Духа, которую уже не раз продемонстрировали. Эту пару заслуженно называют гордостью Аннонквирихе. Практически королем и королевой академии. Вас это задевает, Кассандра?

– Нисколько.

– В характеристике из колледжа в Нью-Касле говорится, что вы желали быть в центре внимания. Что это было для вас важно.

– Я пересмотрела свои взгляды. Некоторые.

– Многие из ваших нынешних сокурсников открыто заявляют, что вы незаслуженно носите свой золотой браслет, Кассандра. Ведь испытания показывают, что Сила вашего Духа довольно незначительна. Слишком незначительна. Вам ведь удалось овладеть только метоморфизмом, верно? Проще говоря, вы освоили лишь изменение внешности, именуемое Маской?

– Да.

– И никаких других способностей?

– Нет.

– Влияние на неживую материю? Парение-левитация? Прорицание? Ментальные практики?

С каждым вопросом синий блик прокатывался по стеклам в такт кивкам госпожи Левкой. Я тоже с удовольствием покивала.

– Нет. Нет. Нет. Нет.

– Хм... Значит, вы достигли лишь второго уровня. Весьма печально, если учитывать, кто ваши родители.

Я шумно выдохнула и опустила взгляд, надеясь, что выгляжу достаточно расстроенной.

А вы, оказывается, любите говорить людям гадости, госпожа Анна!

– Жестоко напоминать мне об этом, госпожа Левкой. Вы ведь видели заключение врачей. Моя Сила Духа пострадала из-за того трагического происшествия. Мой Дух более не прогрессирует. Я никогда не смогу достигнуть Совершенства, мне придется развиваться на том уровне, который уже у меня есть. Так порой происходит с теми, кто попадает в разрушительную воронку.

Менталист некоторое время меня рассматривала.

– Преподаватели из вашего колледжа в Нью-Касле отмечают, что во время обучения вы не слишком стремились к знаниям.

Я пожала плечами. Просто лекции и занудные уроки мне скучны. А я терпеть не могу скуку!

– Однако решающим фактором в вопросе вашего поступления в Академию стала характеристика Катерины Вольц.

Я внутренне сжалась, хотя и пыталась сохранять невозмутимый вид. Что написала обо мне Верховный миротворец? Наверняка, ничего хорошего. Еще одно унижение, которое придется проглотить.

Анна потрясла бумагами, на ее лице возникло недоумение.

– Катерина Вольц в своей характеристике указала, что вы сделали все от вас зависящее, чтобы нейтрализовать опасность. Что проявили отвагу и истинное бесстрашие, достойные настоящего миротворца. Что до последнего пытались нейтрализовать разрушителя, рискуя собственной жизнью и здоровьем. Что в отличие от других молодых специалистов стойко держались до самого... финала.

Что? Я моргнула. Опустила взгляд на свои руки. На пальцах все еще виднелись тонкие белые штрихи шрамов. Моя нейро-панель усилила регенерацию и залечила порезанные руки, так что сейчас рубцы почти не заметны. Но я всегда их вижу.

Неожиданная похвала Катерины Вольц дернула внутри невидимые струны, и я снова моргнула. Я давно не слышала в свой адрес хороших слов. А ведь Дамир, как мой куратор, наверняка знал, что Катерина дала мне такую характеристику. Но он ни разу об этом не обмолвился.

Не хотел напоминать о том дне?

Или... дело в чем-то другом?

Сам Дамир в тот день просто отключился, ударившись головой о край стола, а Джема... Джема сбежала. Ее никто не обвинял, мало кто знал, что она вообще там была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.